

Тимур Насыбуллин, Андрей Столов

САМОНАДЕЯННЫЙ ФЕДЯ

СТУДЕНЧЕСКИЙ РОМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1983 г.

Роман века «Самонадеянный Федя» в краткой и занимательной форме знакомит читателя с характером, устремлениями и типичным обликом учащейся молодежи последней четверти двадцатого столетия. Но роман занимает особое место в потоке литературы подобного рода.

Авторы считают, что главной чертой «Феди», приятно выделяющей его из рядов «студенческих» книг, фельетонов, рассказов и т. п., является то, что мы сумели обойтись без сцен экзаменов - пошлого и навязшего у всех в зубах литературного штампа. Остаётся только пожелать, чтобы и остальные писатели последовали этому благородному примеру.

Роман рассчитан на самую широкую публику, поэтому, дабы расширить её кругозор, мы много внимания уделили анализу новейших достижений в области научной и социальной мысли: методологии, Малому университету и Мише Спектору.

Роман также будет весьма полезен лицам, самостоятельно изучающим психиатрию, юриспруденцию и татарскую классическую литературу.

Говоря о «Феде», хочется подчеркнуть, что это произведение глубоко реалистично. Поражают своей жизнерадостностью образы главного героя, его друзей и врагов, преподавателей, активистов, сачков и простых людей.

Особо реалистичен образ декана И.С.Поминова, данного со всей сложностью, многоплановостью и многогранностью своего характера. Поэтому мы заключаем предисловие убедительной просьбой ко всем читателям: ни под каким предлогом нашего произведения Ивану Сергеевичу НЕ ПОКАЗЫВАТЬ!

С сим остаёмся, Т. Насыбуллин, А. Столов

ГЛАВА 1. ЗОЛОТАЯ ПОРА

- Сегодня футбол есть? - опросил Поручик, устраиваясь сбоку.

- К сожалению, нет, - сказал Федя и подвинулся, - Отобрали мяч. Вчера Матвеев угодил им в банку с фосфором. Химичка грозилась вызвать родителей, но он клятвенно обещал взамен принести целых полкило.

Федя с грустью вспомнил, что следующим в очереди за покупкой мяча стоит он, и с недовольством оглядел вошедшего в класс Матвеева.

Сергей Матвеев, химическая гордость класса, был сегодня явно не в духе. Он прошёл к своей парте, не разбирая дороги, а даже чуть не свёз очки с лица Глеба Турцева.

- Куда тебя несёт? – возмутился Глеб, - И чем от тебя несёт?

- Поручик Рцевский, молчать! - отпарировал Матвеев.

Федя, лучшую часть своей жизни проведшей в туалете, оживился:

- А ведь и вправду чем-то пахнет!

- Да от фосфора это! - огрызнулся Матвеев. – Помните, в седьмом классе нам лапшу на уши вешали, дескать, Бойль получил фосфор выпариванием мочи! Вот я вчера и попробовал. В горшке ни черта не светится, зато плита дьявольски воняет! Пусть сама выпаривает!

И он поставил на стол бутылку из-под шампуня «Бодрость». Весь класс заинтересовался подробностями этой истории, но тут вошла физичка с проверенными контрольными.

Начался разбор. А уж разбирать по косточкам физичка умела:

- Работу написали очень скверно. Да и что хорошего можно написать в такой духоте! Вы даже не удосужились открыть окно, а запах у вас... (она сморщилась).

- Сейчас будет лучше, - сказал Федя, убирая бутылку в портфель Матвеева.

Чумаков, не отвлекайте меня! - рассердилась она. – Так, на чём я остановилась? Да! Ну, какое образование можно получить в таких условиях! Вот вы, Чумаков, куда собираетесь идти после школы?

- Домой, - заметил ехидный Матвеев.

- Я имела в виду, после окончания школы! - еще больше распалилась учительница.

- На физфак, - выдавил наш вконец затравленный герой.

- Вы слишком самонадеянны, - криво усмехнулась физичка.

Да. О своей самонадеянности Федя слышал уже не раз. Ещё в раннем детстве, когда он гулял с бабушкой по парку, и его в первый раз в жизни поставили на землю, он потопал прямо по направлению к филиалу Академии Наук СССР, в ответ на что окружающие его пенсионерки с детьми и произнесли впервые данную сакраментальную фразу.

Позднее он её услышал от своих родителей, которые были страшно недовольны тем, что он слил все имеющиеся в доме жидкости и порошки в один таз и тщетно пытался объяснить, что это изобретенное им лекарство от рака. Мама, помнится, еще сказала:

- От этой отравы не то что не вылечишься, но и копыта откинешь!

В последствии Федя долго не мог выяснить местоположение данного органа, так как все его расспросы натыкались на уже известный нашему читателю ответ.

В третьем классе, получив первую единицу за невыполненное домашнее задание, он с гордостью показал дневник родителям, объявив:

- Теперь я настоящий ученик. У меня есть все оценки.

Реакция не заставила себя долго ждать.

Самонадеянность Феди достигла таких пределов, что он и сам начал в нее верить.

Но вернёмся к уроку. А, впрочем, зачем возвращаться? Детство - золотая пора в жизни любого человека, а потому люди уделяли ей самое пристальное внимание. Оно описано еще Макаренко, Ушинским, Сухомлинским, да разве всех запомнишь! А потому, руководствуясь работами вышеуказанных авторов, читатель сам сможет представить себе, и чем закончился урок, и детские годы Феди, и социальную среду, в которой он рос. Мы же перейдем к более зрелому периоду его жизни.

Впрочем, сначала остановимся на таком явлении, которого не знали ни Сухомлинский, ни Ушинский, ни Макаренко.

ГЛАВА 2. МАЛЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О Малом физфаке Федя впервые услышал от своего друга Глеба Турцева, по кличке «поручик». Как-то в пылу очередной дискуссии Глеб в сердцах сказал:

- А иди ты... - и, заметив вошедшую учительницу, добавил, - на Малый физфак.

«А что такое Малый физфак?» - подумал Федя.

На следующий день он около часа бродил вокруг физического корпуса КГУ, тщательно разыскивая стоящее рядом маленькое здание. Наконец, какой-то сердобольный старичок (им оказался член-корреспондент Академии Наук СССР С. А. Альтшуллер) объяснял ему, что Малый физфак находится внутри Большого. Федя поспешал войти.

Путь на физфак лежит через столовую, именно там и оказался наш герой.

Федя всегда соблюдал правила хорошего тона, а потому, войдя в обеденный зал, он снял с головы шапку. Но поскольку никакие правила не указывают, куда ее потом девать, Федя решил положить головной убор на стол. К сожалению, он не учел, что на столике стояла тарелка с борщом.

- Ну-ну! – процедил хозяин тарелки (им был кокой-то тощий человек в чёрном свитере), выуживая из своего супа неожиданную добавку.

- Простите, - робко спросил его Федя, - а где здесь Малый физфак?

Человек в черном свитере грустно посмотрел на Федю умными лошадиными глазами и, достав из портфеля большую папку, устало сказал:

- Он здесь.

- Как, весь!? - пробормотал Федя.

- Сейфа еще не дали.

- А что, дадут?

- Вы слишком самонадеянны, - криво усмехнулся черный человек и протянул Феде обширную анкету.

Нашему герою пришлось полчаса отвечать на многочисленные вопросы. Наконец он возмутился:

- Что это такое? Ну, какое отношение имеет, например, мой пол к моей учёбе на Малом физфаке?

- Об этом знает лишь тот, кто составлял анкету, - загадочно произнес новый Федин знакомый - мой друг, психолог.

Да. Друзей-психологов у тогдашнего декана Малого физфака Игоря Григорьева было немало, хотя он и тщательно скрывал их имена.

Таким образом, знакомство с Малым физфаком Федя случайно начал с его декана. Что касается анкеты, то полный текст ее читатель сможет найти в приложении.

По простоте душевной, Федя наивно полагал, что занятия начнутся тотчас же после заполнения анкеты, но Григорьев был тогда в своем обычном меланхолическом настроении, а потому потребовал от нашего героя кучу документов. Меланхолия мучила декана Малого физфака до поздней осени. Лишь пятнадцатого октября он познакомил Федю с его первой учительницей. Звали её – Лена Башкова.

Она несколько напоминала Феде Игоря Григорьева: была также немногословна и имела такие же грустные глаза. Хотя Лена Башкова и вела матанализ, она была очень культурной девушкой. Лена никогда не говорила грубостей. Даже в самые драматические моменты с её лица не сходила обаятельная улыбка. Самое страшное, что Лена могла сказать ученикам, было: «Я вас продифференцирую». Ходили слухи, что на её попечении большая семья.

Иногда, когда Лена была особенно занята домашними делами, лекции отменяли и школьников водили на экскурсию по лабораториям. Одна из них особо запомнилась Феде.

Эта комната вся была заполнена парами азота. В самой гуще белого облака располагался лохматый молодой человек, все действия которого сводились к тому, что он неустанно лил азот в какую-то воронку и ошалело смотрел на медленно выползающую из прибора ленту миллиметровки. Временами, он делал на ней пометки и загадочно бормотал себе под нос:

- Теперь лучше.

Периодически из другого конца облака выныривала чья-то бородатая голова и кричала:

- Андрей, ты здесь?

В ответ на это, молодой человек выплескивал в воронку новую порцию азота, после чего успокоенная голова ныряла обратно.

Федя был заинтригован таинственностью вышеописанных манипуляций. И неспроста: чем занимался Андрей Столов, не знал никто - ни он сам, ни его руководители, ни слушатели Малого университета. Сам он считал себя

химиком, его руководители рассматривали его как физика, а школьники принимали за учёного.¹

Иногда толпу экскурсантов пытался перехватить на ходу какой-то маленький человек со стоящей дыбом шевелюрой, внешне напоминающий карикатуру на молодого Эйнштейна. Буравя гидов петушиным взглядом, он громко кричал:

- Что вы им показываете! Мало ли у нас молодых талантливых студентов? - при этом он самодовольно поглаживал себя по бедру и зачем-то подмигивал школьникам. - Вот я - самый умный и в меру упитанный холерик самого среднего роста. – При этом он вставал на цыпочки.

- Не обращайтесь внимания. Это всего лишь Пекуровский, - говорили гиды.

Все подобные сцены кончались примерно одинаково. Вконец взбудораженный Пекуровский начинал прославлять себя в песнях, свободно оперируя русским, английским и еврейским языками. На первом же куплете на место происшествия выбежал возмущённый ректор и, энергично тиская Пекуровского, уводил его с собою.²

Но больше всего Феде запомнилась лекции, которые проводил человек, прозванный школьниками «Гатаулет, принц датский».

ГЛАВА 3. ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

- Всё это, конечно, ерунда, но раньше было еще хуже. Я не претендую на то, что я самый умный человек, - глупая улыбка, - но меня утешает то, что Резерфорд, открывший ядра, был дураком. Рассмотрим кризис физики с позиции методологии. У физиков было два пути решения вопроса, - на доске появляется нечто похожее на амёбу, с биркой «атом».

- Делить или не делить, вот в чём вопрос! Можно, конечно, усыпить мозги, пойти по кривой наименьшего сопротивления, ввести какие-то мелкие, ничего не значащие шарики, постулаты Бора и прочую чепуху. Сейчас и ребёнку ясно, что проще было бы сразу ввести абстрактное отображение пространства

¹ Это выдумки Т. Насыбуллина. На самом деле все наоборот (прим. А. Столова).

² Читатели, разумеется, поняли, что мы имеем в виду ректора Малого университета Андрея Староверова, а вовсе не профессора А.И. Коновалова. (Прим. авт.)

атомов на пространство сред, характеризующее их взаимодействие. И не надо зубрить никакой квантовой механики - бурное оживление в зале. - Как сказал Эммануил Ласкер: «Эти идиоты даром едят свой хлеб, вместо того чтобы играть!» - хохот в зале.

Оратор со счастливым видом протирает очки. Так обычно заканчивал свои лекции по механике Анвар Гатауллин.

Принцем его прозвали за высокомерное пренебрежение ко всем авторитетам. Единственные фамилии, которые он произносил с уважением, были какие-то Щедровицкий и Магасумов. Некоторые школьники звали Гатауллина Черным принцем за надеваемый в любую погоду свитер данного оттенка. Кроме свитера из его внешности стоит упомянуть только очки. Всё остальное скрывалось за ними. Лишь сверху вылезали две косматые брови и шапка чёрных волос.

Очки Гатауллина обладали удивительным свойством. Под его взором любая простая проблема приобретала вид запутанного детектива. Сам Перельман позавидовал бы занимательности его изложения.

В начале лекции Анвар призывал всех слушателей поиграть. Тогда на последних рядах начинали резаться в карты. Те же, кто не умел играть, группировались на первых партах, поближе к Гатауллину, и просили его их обучить. После этого удовлетворенный лектор рисовал на доске нечто похожее на чертёж самогонного аппарата. Он называл это блок-схемой. Затем следовала фраза:

- В принципе, способов прочтения этой лекции столько же, сколько шахматных дебютов. Вот этот путь, - он тыкал в какие-то круги и квадраты, - соответствует испанской партии. Это, - очередная порция фигур, - итальянской партии, ну а вот здесь, - он, указывая на змеевик, - русская партия. Лекцию можно прочитать по бумажке, но мы её с вами проиграем.

На этом месте из зала удалялись все картёжники. Оставшихся Гатауллин делил на три большие категории: идиоты, шизики и умники. Федя, обычно попадая в разряд идиотов. Здесь он встретил своего друга Глеба, которого, по его словам, послала сюда учительница. Однако вскоре Глеб перешел в разряд умников, так как носил очки.

Задачей своей Гатауллин считал пробуждение психической активности слушателей. Каждая фракция имела свой вид поведения. Обязанностью идиотов было бомбардировать Гатауллина всевозможными вопросами по

теме лекции. Затем, в течение получаса, умники обмусоливали заданные вопросы. Делом шизиков было тщательное конспектирование дискуссии. Результаты своей деятельности они сдавали Гатауллину, который на их основе делал обобщающие выводы или, как он выражался, заглядывал в сущность явления. Оканчивалось все уже известной читателю тирадой, которой мы начали главу.

Феде лекции очень нравились. Единственное, что он не понимал, было: зачем всё это нужно. Как-то он обратился с этим вопросом к самому Гатауллину. Ничего конкретного принц Феде не сказал. Вконец утомленный настойчивостью Чумакова, он крикнул:

- Ко мне, Айдар!

С последнего ряда к ним спустился какой-то молодой человек в чёрном костюме.

- Это Магасумов, - заметил Гатауллин.

- Ну что, - прищурившись, спросил последний Федю и взял его за пуговицу.

- Не надо, - поспешно возразил Чумаков. - Я лучше сам.

- Сам? - усмехнулся Чёрный принц. - Вы слишком самонадеянны.

За самонадеянность Федя был переведен в разряд шизиков.

ГЛАВА 4. СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Идиллическая жизнь продолжалась недолго. В воздухе запахло порохом. Игорь Григорьев, с которым Федя успел близко познакомиться, вынужден был по состоянию здоровья оставить свой пост.

На его место прислали здорового, волевого человека. Новый декан кратко сообщил школьникам, что зовут его Димой Таюрским, и что он приложит все силы, чтобы сделать из них гармонично развитых личностей. Поскольку силы в Диме было хоть отбавляй, школьники заметно поскущели. Нашлась даже такие субъекты, которые тут же придумали прозвище «Димазавр», намекая на его высокий рост.

Но оказалось, что не так страшен Таюрский, как его малюют. Выяснилось, что он очень мягкий и тактичный человек. Через четыре недели грозное

«Димазавр» сменилось ласковым «фантик».

Отметим, что перестройка в администрации привела и к более серьезным последствиям. Переходный период уменьшил бдительность охраны, а потому в физкорпус стали проникать разные подрывные элементы, типа химика Матвеева. Для начала он подорвал водопровод, затем - систему управления лифтами, под конец - помогавшего ему вахтера. Когда кончился боезапас, Матвеев стал отлавливать десятками бесхозных кошек, перекрашивал их в чёрный цвет и подбрасывая на лекции. Вскоре несчастных животных собралось на физфаке столько, что их вечерние концерты на крыше полностью заглушали голоса преподавателей. Лекции срывались одна за другой. Таюрский нашёл единственный выход из создавшегося положения - перейти к практическим занятиям.

Практиковаться Федя решил на кафедре теории относительности, поскольку с детства любил Эйнштейна, а также потому, что туда захотел Глеб. Но заняться ей друзьям так и не удалось. Ежедневные попытки поймать своего научного руководителя ни к чему не привели. Руководитель месяцами не появлялся на работе, а сослуживцы его на все Федины расспросы отвечали стандартно:

- Вы слишком самонадеянны.

После чего наши герои вынуждены были спускаться на один этаж в уже описанную лабораторию, заполненную парами азота. Здесь обычно происходили собрания тех, кому нечего делать.

- А можно ли у вас заняться наукой? - произнес как-то Федя, заглядывая в дьюар, от которого веяло холодом.

Взъерошенный Столов сморщился.

- А у вас есть научный склад ума?

- Склад?! - удивился Чумаков. - Вообще-то у меня есть знакомый завскладом.

- Пойдет. Будете помогать мне. Стихи писать умеете?

И они начали писать стихи. Столов Андрей имел свой взгляд на научную деятельность:

- Во всем, - говорил он, - нужна красота, а какая может быть красота, если нет рифмы! Почему все помнят наизусть «Что такое хорошо» и никто не процитирует фразу из справочника по физике? Да потому, что в первом из них есть рифма, а во втором нет.

Сначала Федя пытался отвязаться от непривычного занятия, но опытный Глеб уже успел разнюхать, что дверь лаборатории выходит прямо в любимое Федино заведение, что немного попридержало нашего героя. А вскоре он привязался к Столову, как порой мы привязываемся к, в общем-то, облезлому, но симпатичному домашнему животному. Правда, со стихами не всегда хорошо получалось. Например, Федя никак не мог признать утверждение своего шефа, что, якобы, башмак рифмуется с Башковой. Но и тут всё уладилось, после того, как Чумаков посвятил Столову следующее сочинение:

ДУБ

Могучее дерево дуб. Раскинув свои ветви, он стоит в лесу. Дуб живёт 1000 лет. Это хороший строительный материал. Доски из дуба очень долго не гниют. Можно хорошо отдохнуть под дубом. Потому что у него большая крона. Чудесное дерево дуб.³

Именно тогда, просиживая вечерами за гранками учебника для поступающих в ВУЗы, Федя утвердился в главном: на физфаке ему будет чем заниматься. Или он был слишком самонадеян?

ГЛАВА 5. ИСПЫТАНИЕ

Выпускник казанской средней школы № 131 Фёдор Чумаков находился в знаменитом Актовом зале Казанского государственного университета с папкой документов в руках. Напротив него, за столом с табличкой «физфак» сидела рыжебородая голова и задавала вопросы:

- Ваша фамилия?
- Чумаков.
- Как?
- От слова «чума».

В журнале приемной комиссии появилась новая строка.

- Образование?
- Что?

³ Здесь приводится малоизвестное сочинение Ф. Чумакова (прим. авт.)

- Хорошее, плохое, среднее?
- Пожалуй, среднее.
- Характеристика с последнего места работы есть?
- Я не работал
- Так и напишем: тунеядец. А это что за тетрадь?
- А... автобиография.
- Что???... Однако, девяносто листов... Ба, да со стихами, - борода то поднималась, то опускалась. - А медицинская справка у Вас есть?

Федя протянул справку.

- Ну, это ничего, - сказала голова, - Пойдёт.

Новоиспечённый абитуриент собрался, было, уходить, но не удержался и задал вопрос:

- Вот, я хочу спросить. Вы тут... В общем, у вас что – большой конкурс?

- У нас?! - борода расплылась в улыбку. - Да что там большой - огромный! Весь город у нас! Еще вопросы будут?

- Я слышал...

- Вы ничего не слышали!! Да, конкурс резко упал, но зато у нас четырнадцать этажей, столовая, даже лифт работает!!! К тому же, техника и любовь масс!! Смотрите вон в ту точку!

Из-за бороды появились руки, которые цепко схватили Федю за плечи. Вооружённая фотоаппаратами и фоторужьями братия журналистов облепила его со всех сторон. Потом Чумакова подняли на руки и торжественно стащили с лестницы, а затем под барабаны пронесли по университетским закоулкам. Одновременно с этим редактор местной однотиражки «Физик» верстал передовицу с примерно таким заголовком, как-то: «Не побоялся подать документы!», «Будущая надежда», и т.п.

Вот так Федя был допущен ко вступительным экзаменам. И он сдал бы их беспрепятственно, если бы не одно обстоятельство: далеко не все были довольны тем, что он предпочел физфак университета другим, не менее культурным заведениям. «Будущей надежде» вскоре предстояло вынести серьезную схватку с появившимися у нее врагами.

ГДАВА 6. В БОРЬБЕ

- Я к тебе насчет одного типа, - сказал как никогда серьезно Магасумов, запирая за собой дверь. Родственники прошли в комнату. - Есть такой Чумаков. Не слышал?

Гатаулет задумался.

- Нет, а что?

- Короче, этот хорек подал документы на физфак.

- Что ж, умный парень, - сострил Гатуля.⁴

- А ты не зубоскаль! Хмырь. Ты знаешь, что он бегаёт за твоей сестрой?

- Что за чушь!

Магасумов молчал. Он ждал того момента, когда его родственник разойдется. И действительно, через полчаса разъярённый Гатауллин уже орал во всё горло:

- Гуля!

В комнате появилась черноглазая красивая девушка с хитрой улыбкой.

- Ты знаешь этого... как его...

- Чумакова, - подсказал Айдар.

- Федю? - удивленно спросила Гуля.

- Ах, он еще и Федя! - взревел Чёрный принц. – Этот кретин, этот нахал... ещё будет... увиваться! Он что, работает? Учится?

- Он поступает на физфак, - напомнил Магасумов.

- Никогда! Ноги его не будет!...

Гатауллин был вне себя. Он уже собирался разразиться тирадой высоконаучных ругательств и охаять Федю во всём, вплоть до неумения делать правильные выводы из посылок, но Айдар прервал его.

- Гуля! - обратился он к привыкшей к подобным сценам сестре Принца, - В общем, тут одна шара намечается. Сегодня вечером на дискотеке будет Чумаков. Очень просил тебя прийти.

Девушка сделала реверанс и вышла.

- Зачем ты это сказал, - обратился к Айдару Гатаулет, постепенно овладевающий собой по системе психолога-экономиста Кунина.

- Тебе нужны доказательства. Сегодня вечером они у тебя будут. Я

⁴ Гатуля – еще одна кличка Анвара Гатауллина (прим. авт.)

обещаю.

Магасумов рассчитал всё до мелочей. Айдару хорошо было известно, что в его родном КАИ прием документов продлен до той поры, что можно трижды провалиться в университете и успеть подать в авиационное строительство. Остальное было делом техники. И вот, когда настал вечер, Гатауллин пробрался на дискотеку и свернулся в углу калачиком, прикидываясь шлангом, дабы не выдать себя. Тем временем Магасумов рыскал по всем тёмным углам танцзала, выискивая глазами Федю. Публика прыгала и визжала. Всеобщее внимание привлёк диск-жокей, говоривший стихами:

*- Здорово, мужики, Здорово, бабы!
Послушайте концерт Ансамбля АББА!*

И в этот момент Магасумов схватил Федю за руку:

- Отойдем в сторонку, - шепнул он.

Чумаков пошел, но неторопливо, размышляя над тем, как лучше обороняться. Однако Магасумов драться и не думал. Отведя Федю в туалет, он сел на подоконник и вежливо спросил:

- Куришь?

- Нет, а что? - Федя даже заинтересовался.

- Правильно делаешь. Знаешь мою троюродную сестру?

- Вряд ли. А что?

- Гуля Гатауллина.

- А-а! - оживился Федя, - Конечно.

- Так вот, короче, тут наметалась одна шара, в общем, я должен был её провожать домой, но обстоятельства ... короче, проводи ее вместо меня.

Федя засиял, но всё же спросил:

- А если она не захочет?

- Постарайся добиться. В конце концов, сошлись на мою просьбу.

Довольный Федя вылетел на танцплощадку, моментально отыскал там Гулю и закружился с ней в вихре рок-н-ролла. Она улыбалась ему, и он был счастлив. Когда же зазвучал блюз, и они затанцевали медленно, в обнимку, молодой человек, как это обычно бывает, захотел возвыситься в глазах девушки. Чтобы показать себя с самой положительной стороны он стал

нашёптывать ей на ушко свои ближайшие планы:

- Завтра сдаю первый экзамен. Я должен перед ним хорошо отдохнуть, развлечься. Я тебя провожу сегодня до дому?

- Я далеко живу. Ты не боишься опоздать на экзамен?

- Я ничего не боюсь! - шепнул Федя, краснея.

- Ну и самонадеянный! - усмехнулась она.

Среди грохота звучащей аппаратуры им, конечно, не был слышен разговор, происходивший где-то неподалёку. Это Магасумов, под стать Чёрному принцу, свернулся в углу, так что можно было подумать, что это два совершенно одинаковых шланга.

- Я узнал его! - трагическим голосом провозглашал Гатаулет, - Этот подлец сидел у меня на лекциях. Я задушу его! Как Отелло Дездемону!

- Не горячись, - успокаивал его Магасумов, - Зачем так сразу душишь! Может быть, он ни в чем не виноват. Лучше спрячься в подъезде и, когда он будет провожать твою сестру, огрей его по голове дубинкой!

- Дубинкой?! Ф-фу, это не в моих правилах! Да и где найдёшь ночью в городе дрын?

- Тогда стукни тем, что будет под рукой.

- У меня с собой диссертация Щедровицкого.

- Только смотри, не до конца! Хоть список литературы вынь!

* * *

Он и она шли вдоль освещенных улиц Ленинского района, обгоняемые транспортом и прохожими, шли и говорили о пустяках.

- Ты знаешь, у меня дома есть супероктальмус. – (Она удивляется). - Рыба такая. Живёт в керосине и питается гайками – (Она громко смеется, он счастлив).

- А у меня есть брат, - вздохнула Гуля.

- Это Магасумов, что ли?

- Нет, но вроде этого.

- И он тоже живет в керосине?

- Хуже. Он живёт в нашей квартире.

- А Магасумов?

- При чем здесь Магасумов? - рассердилась она, - Почему все считают его

нашим родственником, когда он всего лишь бывший сосед?

Какие-то смутные подозрения зашевелились в мозгу Чумакова. И недаром. Когда они вошли в подъезд и начали прощаться, мимо них пронёсся какой-то вихрь. Раздался звук удара.

- Что случилось? - испуганно спросила Гуля.⁵

ГЛАВА 7. В ХРАМЕ НАУКИ

Это был ясный, солнечный день. В изумрудной воде физфаковского фонтана плескались рыбки и бултыхались какие-то забулдыги. А в 210-й аудитории в первый раз в жизни собрались ещё недавние абитуриенты, те немногие счастливицы, которые поступили и, по их мнению, поступили правильно. Ждали декана Ивана Поминова. Рцевский и ещё один тип резались в крестики и нолики, а какой-то сопляк полез на телевизор смотреть мультфильмы. В ушах гудело.

- Идёт! - вдруг заорал сопляк и свалился на пол, так и не дотянувшись до мультфильмов.

Вбежал маленький зажмурившийся ежистый человечек, который встал за кафедру и очаровательно улыбнулся. При этом прищуренные глаза слились воедино, а волосы над ушами сошлись к затылку. От удивления, аудитория раскрыла рот.

- Товарищи! - провозгласил ёж с нескрываемой иронией. - Нет, я не декан. Нет. Что? - губы его непринужденно расплылись и стали доставать до ушей. - Да, очень скоро им буду. Позвольте представиться, - тут он обращался уже не к залу, а к сидящей за первой партой девушке. - Виктор Пекуровский. Молодой, красивый, интеллигентный... – он загибал пальцы на руках, а когда они кончились, улыбнулся так, что правая и левая оконечности губ соединились на затылке. - Да что там декан! Мелкая сошка! Вот когда я буду президентом академии наук... - тут почему-то улыбку заклинило, и лицо Пекуровского приняло естественное, умное, выражение. Он достал платок и

⁵ Не бойтесь, читатель! Когда на следующее утро Федя сдавал экзамен, на вопрос члена приёмной комиссии: «За что это тебя так?», наш герой невозмутимо ответил: «За мою самонадеянность», - и, улыбнувшись, добавил, - «Что, пять?»

начал громко сморкаться, обнаруживая при этом неплохие музыкальные способности.

- Вся Европа, - произносил он в перерывах носовых гимнов, - весь мир будет знать Пекуровского, как вождя и освободителя, как выдающуюся личность эпохи, как могучего творца Вселенной!

В этот момент в аудиторию просунулась Федина голова, на которую Пекуровский уставился так, как иногда он смотрел на новые ворота. После паузы, которая длилась довольно долго, лидер Вселенной снизошел до фамильярного тона:

- Чё надо?

- Туалет где? - спросил опоздавший Чумаков.

И тут какие-то сильные руки схватили Федю и потащили, потащили прямо в зал и бережно усадили на место. Это вошли декан физфака И.С.Поминов, пожилой, высокого роста и свирепого вида человек, как всем сперва показалось, а также секретарь местной комсомольской ячейки Марат Овчинников, внешность которого совершенно не поддаётся описанию. Физфаковские боссы, позаботившись о том, чтобы у Феди был нормальный, то бишь, не сломанный стул (а они всегда откликались на жалобы подчинённых), разместились в президиуме рядом с Пекуровским. После непродолжительных переговоров декан решил перейти к официальной части. Он же сам произнес речь, в которой всё больше и больше разливалась его добродушная энергия.

- Здравствуйте, товарищи! Поздравляю вас с поступлением и желаю вам скорейшего окончания! Меня часто спрашивают: мечтал ли я в детстве стать деканом. Хочу разуверить вас по этому поводу. Деканов не выбирают - их назначают. Помню, как-то раз, за мной прислали машину и говорят: «Иван Сергеевич, очень вас просим...» Привезли меня, не будем уточнять куда, спросили, согласен ли я быть деканом, а, узнав, что согласен, сказали: «Извините, но домой Вы пойдёте пешком».

С тех пор сижу в деканате. Будете посещать столовую, так по пути нет-нет, да зайдите. У нас, по крайней мере, еще никто не отравился. Хе-хе.

По средам у нас рыбка. Не лабардан-с, конечно, но с гарниром. Так вы уж, того, по-братски: гарнир-то сами, а рыбку уж лучше соседу. От души советую. Хе-хе.

Многие из вас будут получать стипендию. Её мы даем только тем

студентам, кто уступает в коридоре место старшим, пропускает в лифт преподавателей, не задаёт им провокационных вопросов на лекциях и не грубит на экзаменах. Хе-хе. Я не одобряю некоторых самонадеянных личностей, которые полагает, что получать стипендию проще пареной репы. К таким студентам деканат будет строг. Хе-хе.

И ещё. Пошли слухи, что по физфаку шастают привидения. Мне самому одно из них показывали и даже называли по имени – Чаян.

Товарищи! Физику-материалисту просто смешно верить в такие слухи! Я, например, убежден, что Чаян это не привидение. Хотя в тот момент, когда мы его наблюдали, он и ходил по потолку на ушах. Мои заместители перерыли все списки студентов - там нет ни одного по фамилии Чаян. Может быть, это имя или отчество? Вообще, кто последний раз видел Чаяна? Говорят, он сдал уже две сессии. Если так, то почему он еще не в армии? Про Чаяна уже сочиняют песни.

Да, кстати, для вас планировалось выступление агитбригады. Но, поскольку она сейчас спит, придется выступить нам.

После этих слов декан взял в руки аккордеон, секретарь комитета комсомола - балалайку, а лидер Вселенной - губную гармошку, и полилась песня:⁶

*Есть у нас Чаян.
Коль бывает трезв,
Он берет обрез
И шагает в лес.*

*Воеет лютый зверь
В темноте лесной,
Вурдалак косой
Стонет под сосной.*

⁶ Песня исполнялась на мотив композиции рок-группы п/у Боба Каллачана «Чипи-чипи», но протяжно, в традициях русских песнопений. Пекуровский, играя соло, слегка фальшивил. Тем не менее, аплодировали довольно долго.

*ПРИПЕВ: Ох, тяжело на первом курсе физфака!
Песню пой, пой вместе с нами.
После занятий ходишь злой, как собака.
Песню пой, пой о Чаяне,
Пой!*

*По лесной тропе
Бродит пьяный бык,
А на нём мужик
Скалит желтый клык.*

*Но Чаян не трус,
Он идёт вперед
Всем конец придет,
Кто Чаяна ждет!*

ПРИПЕВ.

*Как тореадор
Свалит он быка
И у мужика
Выбьет два клыка.*

*Нечисть по норам
Разбежится вмиг,
Зря вопишь, мужик,
Не воскреснет бык!*

ПРИПЕВ.

*Если ж пьян Чаян,
В лее он не идет,
А прохожих бьет,
Про себя поёт.*

*Бомба в рукаве,
Под полый наган.
Зол на всех Чаян,
Вот какой шайтан!*

*ПРИПЕВ: Ох, тяжело на первом курсе физфака!
Песню пой, пой вместе с нами.
После занятий ходишь злой, как собака.
Песню пой, пой о Чаяне,
Пой!*

Затем произнес речь секретарь комитета комсомола.

- Я буду краток. Вы все – потенциальные общественные работники. И я желаю вам всем брать пример с наших передовиков, таких, например, как вот этот товарищ, - он показал на Пекуровского, который снова начал улыбаться. – Посмотрите на него внимательно. Это самый лучший, самый примерный, самый образцовый, самый исполнительный, самый ответственный, самый... - он не мог подобрать подходящего слова, и Виктор пришел ему на помощь:

- Красивый и в меру упитанный.

- Да-да, - подтвердил секретарь. Вот тот идеал, к которому все вы должны стремиться.

Тут Пекуровский вышел, и все устремились за ним.

- Хорошие у нас ребята, - подумал про себя декан, - с полуслова понимают.

Федя, тем временем, зажатый в середине толпы первокурсников, носился по этажам физфака. Сначала впереди маячила шевелюра Пекуровского, потом она как-то размылась и приняла облик шубы, а вскоре Чумаков вообще обнаружил себя одиноко стоящим в холле второго этажа. Мимо Федеи иногда проносились вихрастые студенты. Примерно каждый пятый из них оказывался Столовым, который непременно здоровался с Федей и спрашивал его: «Что нового?» Иногда пробегало сразу два Столовых. «Мистика», - подумал Чумаков. Изредка мимо него трусил чем-то обеспокоенный Пекуровский, а один раз Виктор вышел довольный, жуящий коржик и роняющий крошки на пол. Рядом с Виктором шел довольно больших размеров кот, черного цвета. В отличие от перекрашенных Матвеевым

облезлых физфаковских кошек, этот зверь был необыкновенно пушистым, имел умные глаза и держал хвост трубой. Кроме того, он мурлыкал и ласкался о ноги Пекуровского.

- Эх, люблю котов! – произнес Виктор, присаживаясь на подоконник рядом с Федей. Он взял кота на руки, погладил его и скормил ему остаток коржика. Кот мурлыкнул, а потом вдруг как-то резко увеличился в размерах, и Федя увидел, что это был вовсе не кот, а симпатичный молодой человек, ласково смотрящий на Витю. Витя погладил его по голове и шепнул:

- Миш-ша, Миш-ша! Пошли-ша в комитиш-ша!

Миша, улыбнувшись, в ответ мурлыкнул что-то ласковое, типа:

- Я же тридцать раз просил меня не гладить, забодай тебя чертик!

И они скрылись за дверью с непонятной надписью:

«СЕКР. КОМ. КОМ-ЛА Ф/Ф М.ОВЧИННИКОВ»

Справа находилась ещё одна дверь с не менее интересной надписью. (Публиковать её нам не позволяют приличия. Кто желает, может посмотреть

её на рисунке).

Эта дверь оказалась запертой, потому самонадеянный Федя прошёл в первую. Это был комитет. В комнате рядом с Овчинниковым сидело много народу, были там и Витя с Мишей. Шёл оживлённый разговор.

- Я насчет общественной работы, - робко начал Федя.

- Пожалуйста! - просиял Овчинников и протянул ему руку. Садитесь. Кем бы вы хотели стать?

- У вас есть какая-нибудь работа, где нет ответственности, и особенно нечего делать?

- Э-э, да Вы слишком самонадеянны! Сразу - и на такую должность!.. У Вас есть хобби?

- Вряд ли оно здесь поможет, - сказал Федя.

- Хорошо. Тогда могу предложить работу в стенной печати. Рисовать умеете? Ну-ка, нарисуйте что-нибудь.

Федя взял ручку, и вскоре перед секретарем лежал листок с достаточно качественным изображением унитаза. Овчинников улыбнулся и, показав рисунок всем, находящимся в комнате, спросил:

- Ну, как вам художник?

Все одобрительно закивали головами.

- Пожалуй, ему можно поручить дальнейшее художественное оформление двери моего кабинета, - заметил сидящий в углу человек.

Феде он напоминал старинное русское оружие - булаву: имел стройное длинное тело и круглую голову с торчащими во все стороны различными идеями.

- Прошу завтра с эскизами, - и он протянул Чумакову визитную карточку со следующим текстом: «Ser. Vinokuroff. Прием посетителей с 13:00 до 14:00. Просьба без женщин не приходите!»

- Минуточку! - всполошился Овчинников. - Устав комсомола запрещает использование общественных организаций в личных целях...

- Оформишь его дизайнером.

- Такого сектора у нас нет.

- Так сунь к газетчикам!

Овчинников облегчённо вздохнул:

- Тогда решено. Вы будете членом редколлегии газеты «Физик». Чумаков Фёдор Владимирович, ведь так?

У Феде полезли глаза на лоб. С таким выражением лица он покинул

пристанище общественной работы. Правда, Пекуровский и Миша, которые вышли с ним, вместе успокоили его.

- Это феноменальный человек. Он всё помнит, всё знает... Феноменальный человек, - так говорил Миша. Тут он насторожился. Прошла девушка и скрылась за поворотом.

- Свернём туда? - попросил он. Все согласились.

- Мужики!! - вдруг кто-то окликнул их сзади. – Вы слышали, - их догонял запыхавшийся Столов, - ЧАЯН – ЭТО... ЭТО СЫН МАРАТА ОВЧИННИКОВА!!!

* * *

Через три часа Федя ушёл домой. Так закончился его первый студенческий день. А впереди были ещё четыре с лишним года.

ГЛАВА 8. ПРОИСКИ ВРАГОВ

Айдар Магасумов знал своё дело. Чем больше ему удастся испортить конъюнктуру технических факультетов КГУ, чем нелепее будут сплетни, касающиеся порядков, нравов и всего прочего физфаковского - тем выше поднимется авторитет КАИ, тем больше ему заплатит шеф, тем легче будет ему найти работу. И он действовал. Уже около десятка отличников после знакомства с ним забросили учебу и занялись, по их мнению, более важными вещами. Некоторых ждало отчисление, некоторых - психиатрическая больница. Это он под видом члена ОБХСС проникал в физфаковскую столовую и подсыпал перец в компот, после принятия которого уважающие себя девушки подавали в деканат заявление об отчислении. Наконец, это он в 1981 году пустил слух, что студентов университета, сразу по достижении восемнадцати лет будут забирать в ряды вооруженных сил СССР, и добился при этом того, что молодые люди переставали постепенно подавать документа в КГУ. Более того, пущенный им слух дошел до министерства обороны, где решили, по-видимому, что, раз уж все об этом говорят, то так необходимо сделать. И был издан всем известный приказ...

Но Магасумов не останавливался в своей грязной деятельности. Он

выбирал себе очередных жертв. Действуя через подставных лиц, которые были всего лишь орудиями в его руках, он опутывал всё новых и новых людей невидимыми сетями страхов и подсознательных желаний, сводил на нет все их честолюбивые устремления.

Бедный Федя! Знал ли он, что этот совсем обычный разговор с бывшим деканом Малого физфака, бывшим примерным студентом, а ныне ушедшим в глубокое подполье Игорем Григорьевым может стать поворотным пунктом во всей его биографии! Помнится, Игорь тогда взял его за пуговицу и отвел к окну, чтобы лучше разглядеть Федино лицо.

- Как ты..., - он делал выжидательную паузу, - относишься к трансплантации?

- ??

- Ну, например, голову обезьяны пересадить к крокодилу?

- Не очень понятно. А куда девать голову крокодила?

- Ты хочешь об этом узнать? Тогда приходи.

И он протянул Феде карточку, на которой было напечатано:

Пятница. Пять часов. Пятьсот девятая.

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ И К^о

МАГ Асумов

ГРИГ Орьев

ГАТ Ауллин

СПЕКТОР Миша

ГИПНОЗ и прочее (все без женщин)

В программе доклад о новой форме досуга.

До пяти часов еще оставалось много времени, и Федя побрёл к Столову, показать ему свои новые сочинения. Столов сидел в меланхолии, плакал и ничего не делал.

- Ты думаешь, почему я сижу, сложа руки? - жаловался он. - Да потому, что вещества нет, работать с которым. Вот. Да и было бы оно - всё равно азот нигде не достанешь. Да и прибор сломан. Хоть ложись здесь и умирай. С нижнего этажа приходили. Жалуются, что с потолка капает. А я не могу не плакать!

Феде стало его до того жалко, что он сразу же приступил к делу.

- Я прочитаю тебе из своего раннего творчества. Хочу отнести в редакцию «Физика». И он прочитал:

*Люблю я зиму, Новый год.
Зиму я обожаю.
Порой сосед зимой, порой,
Товарищ мой любезный.*

*Могу стихи я сочинять,
Могу я петь и танцевать.
Чего я не умею?
Могу я всё, умею!*

*Как хорошо на свете жить!
Как хорошо людей любить!
Учиться в школе надо,
Всем на пятерки надо.⁷*

- Ну, как?

- В целом, неплохо. Хотя рифма хромает. Это всё? Дд-да... Нет. Так и продолжай дальше. Это твой стиль. Всем, кого увидишь, от меня привет.

Федя ушел. Смеркалось. Физфак постепенно пустел. По лестничным площадкам разносился дикий хохот Чаяна. Хохота Чаяна никто уже не боялся, хотя поговаривали, что он пророчит беду. Столов даже выпустил специальное исследование: «По ком смеется Чаян».

На пятом этаже дьявольский смех был едва слышен, особенно около пятьсот девятой.

В самой пятьсот девятой было тихо. Человек десять сидело вдоль стен и напряженно о чем-то думало. Периодически один из них брал слово, и его слушали. Федя сел на свободный стул и огляделся.

Комнату украшали картины разных школ, приятно гармонизировавшие с видеоманитофоном, стоящим в одном из углов. Около видеоманитофона

⁷ Используется раннее стихотворение Ф. Чумакова (прим ред.)

сидел Миша. Он был загипнотизирован и потому спал - так Федя понял из разговора. Рядом с Мишей сидел зевающий Пекуровский. Магасумов занимал место где-то в тени. Григорьев произносил реплику:

- ...массаж делается относительно обнаженному телу. Поэтому он, подкравшись к палатке, увидел там голого Малаха, который склонился над дамой в одном купальнике. Нам тогда сделали последнее предупреждение. Потом снимали фильм, в котором Малах по сценарию должен был три раза поцеловаться с другой дамой, и он это репетировал во время вечерней линейки. Тогда, помнится, ещё приехал Гатауллин...

Тут в комнату влетел Гатаулет, принц датский, извинился за опоздание и начал доклад:

- Тема моего краткого сообщения - новая форма проведения свободного времени. Форма эффективная, позволяет концентрировать внимание в точку и произвольным образом менять напряжённость концентрации, - (он глупо улыбнулся). - Вот, чем я занимаюсь в последние два дня.

Он достал спичечный коробок, задрал вверх голову, поставил коробок на нос и движениями всего тела удерживал его в равновесии в течение 15 секунд.

- Есть ещё одно упражнение, - сказал принц, поднимая с полу коробок.

Гатаулет подбросил его к потолку, затем принял носом и держал так в равновесии, пока не натолкнулся подбородком на Федю.

- А этот что здесь делает? - взревел Принц. Однако, подоспевший Магасумов шепнул ему что-то на ухо, и Гатаулет успокоился. Слово опять взял Григорьев:

- Ну, кто хочет высказаться? Я думаю, надо всем попробовать. Коробок у нас один, к сожалению.

Все пробовали. Не получалось. Коробок был нарасхват. Гатауллин сиял. Пекуровский сбегал на кафедру за спичками. Тогда началось столпотворение. Люди натыкались друг на друга, спотыкались о стулья, но все они были одержимы единой целью, а потоку не замечали столь мелких инцидентов. Федя смотрел на этот кавардак со стороны. Ему, как новичку, попробовать не дали.

Внезапно он увидел Пекуровского, медленно крадущегося к двери. На плече Виктора ехидно поблескивал глазами уже знакомый Феде чёрный кот.

- Вот бы мне так! - подумал зажатый в угол Чумаков.

Однако, беглецов заметил не он один. Быстрее молнии Магасумов

пронесся через зал и с торжествующим воплем «No pasaran!» за волосы оттащил Пекуровского от двери. Предоставив массам расправляться с дезертиром, Магасумов занялся котом, то есть начал вертеть им в воздухе, держа за хвост.

Устрашенный этим диким зрелищем, Чумаков опрометью бросился к двери, ударом ноги распахнул ее, и... она с силой ударила по лбу входящего в аудиторию декана Поминова.

Шум стих. Выпущенный Магасумовым кот приземлился рядом с Федей, у ног Ивана Сергеевича и тут же начал ласково тереться о его серые брюки.

Бежать было бесполезно. За спиной декана в едином строе стояли Овчинников, Винокуров и прочие активисты.

- Так, - тихо произнес Поминов, потирая свежий синяк, - зачинщиков взять. Этого тоже, - добавил он, покосившись на распластанного по полу Чумакова.

ГЛАВА 9. ВОЗМЕЗДИЕ

На доске объявлений физфака висело два плаката. Первый, маленький, кратко сообщал:

Приказ № 132

Все студенты, находившиеся 2 октября 1983 г. в ауд. 509 ф/ф автоматически снимаются со стипендии.

Деканат.

Второй был и больше, и ярче, и многословней:

*ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!
5 октября в 12 часов в ауд. 210 состоится*

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

*Судья: Поминов, И. С..
Народные заседатели: СТАРОВЕРОВ, А.
ОВЧИННИКОВ, М.
Общественный обвинитель: ВИНОКУРОВ, С.
Защитник: БАШКОВА, Е..
Подсудимые: МАГАСУМОВ, А.
ГАТАУЛЛИН, А.
ГРИГОРЬЕВ, И.
СПЕКТОР М.,
ЧУМАКОВ, Ф.
Свидетели: ПЕКУРОВСКИЙ, В.
ЧАЯН*

Примечание: Женщины и дети до 16 лет не допускаются.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

*Деканат,
Ком. Комсомола*

А в двести девятой уже было не продохнуть: на задних рядах галдели возбуждённые первокурсники, на средних рядах размещались старше курсы, а первый ряд, как полагается, был отведён почетным гостям. Среди них затесался какой-то черноволосый тип с мрачной улыбкой на губах.⁸ Звали его Димой Чубаковым. Хоть почетным гостем данного товарища назвать было трудно, но он, используя свои обширные знакомства в комитете комсомола физфака, всеми правдами и неправдами добился этого звания.

Прямо перед скамьёй почётных гостей, в президиуме сидел состав суда: Поминов, Овчинников, Староверов. Здесь же, в президиуме, находился и

⁸ Про улыбку всегда пишут, что она на губах, хотя это и козлу понятно. Никто никогда не видел улыбку на иной части человеческого тела (например, на носу), но все писатели считают своим долгом подчеркнуть это «на губах». Что ж, так сделали и мы (прим. авт.)

Столов. Исполняя обязанности секретаря судебной комиссии, он одновременно сдавал Поминову какой-то экзамен (благо, доска была прямо за спиной президиума). В дальнем углу аудитории, ссутулившись, стояли четверо подсудимых (вначале им хотели принести из комитета скамью, но против такого разбазаривания общественной собственности резко возразили Овчинников и Винокуров: «Им всё равно сидеть, так что постоят!» - заявили молодёжные лидеры.)

От зрительного зала подсудимые были отделены плотной толпой дружинников во главе с Глебом Турцевым. Напротив них (в другом дальнем углу) примостился Пекуровский. Все откровенно скучали.

Но тут встал Столов и закричал:

- Слушается дело за номером шесть! Преступная деятельность банды Магасумова... Они все лежат в инфракрасной области, - заметил он вполголоса председателю суда. - Состав подсудимых: Магасумов, А., Гатауллин, А., Григорьев, И., Чумаков Ф...

- А я-то тут при чем? - раздался голос с первого ряда.

- Кто это? - поинтересовался Поминов.

- Спектр поглощения бензола, - ответил Столов, подсовывая ему под нос какую-то бумажку. - Кстати, о спектрах. К судебной ответственности был привлечён также еще один участник банды Магасумова – Спектор, М., но в виду того, что данный гражданин не был обнаружен ни при задержании группы, ни на своей квартире, ни на чужой, то суд счел возможным оправдать его за неимением в наличии. При этих словах из волос Пекуровского вырвался истошный кошачий вопль.

- Что это у вас? - спросил Поминов у Пекуровского.

- Не знаю, - пролепетал испуганный Виктор, выдирая из шевелюры застрявшего там черного кота.⁹

- Нарушителями спокойствия мы займёмся позже, - пробормотал председатель, наблюдая, как командир дружинников Турцев запикивает себе за пазуху осрамившееся животное.

- Чумакова тоже оставим на конец, как самого опасного, - добавил сидящий по правую руку от декана Староверов.

- А я-то тут причем? - вновь раздалось из первых рядов.

⁹ Очень глупая шутка (прим. В. Пекуровского.)

- Так всё-таки КТО же это? - выпалил Поминов.

- Это написано в Ельяшевиче, - твердил своё Столов.

- Где про меня написано?! - вскочил с места почётных гостей вконец разъяренный Чубаков.

- Да не про тебя это, - миролюбиво заметил сидящий в президиуме Овчинников. - Это про него написано, - он указал рукой на подсудимых. - Вот тебя как зовут?

- Дурачком прикидывается. Первый год меня, что ли, знаешь? Ну, Дима.

- А его - Федя. А фамилия твоя как?

- Во, склероз у человека развёлся! Фамилии все позабыл! Чубаков я, от рожденья.

- А он - Чу-МА-ков. Теперь понял?

- Ага, давайте дальше. Только поосторожней. А то, сам знаешь, какие у меня связи.

- Разрешите, - это поднялась со своего места защитник Лена Башкова, - Я решительно возражаю против рассмотрения Чумакова как самого опасного подсудимого и разбирательства его дела отдельно.

- Он мне ещё по суду ответит за то, что дверь не оформил, - буркнул обвинитель Винокуров.

- Но ведь не всё ещё потеряно, - многозначительно улыбнулась Лена и подмигнула обвинителю.

- Что потеряно? - всполошился Поминов, отрываясь от очередных объяснений Столова.

- Нет, всё нашли, - поспешил успокоить его Винокуров, - У меня возражений нет.

- А у меня есть! - продолжал упорствовать Староверов.

- А они у тебя всегда есть, - рассердился Поминов.

- Не забывайся, - процедил народный заседатель, - Ты всего лишь декан, а я – ректор.

- Ректор? - насмешливо переспросил Поминов, - Мелкота!

- Хоть малый, но ректор, а ты большой, но декан!

- Та-ак, похоже, придётся разбирать еще одно дисциплинарное дело, - пропел, ни к кому особенно не обращаясь, Столов. Глаза его были устремлены в потолок, а его локоть периодически входил в соприкосновение с боком председателя суда.

- Ладно, ваша взяла, Иван Сергеевич, - поспешил замять дело Староверов, наблюдая за движением столовского локтя.

- Хе-хе, - вздохнул Поминов, - приступим к допросу свидетелей... Что у Вас во втором вопросе? - обратился он в Столову.

- А, может, сначала прослушаем речь обвинителя в защитника? - мрачно произнес Староверов, - Как в нормальных судах.

- Не мешайте заниматься, - огрызнулся Поминов, - рассматривая столовский черновик, - Какая вам разница, что и в каком порядке слушать?

- Тогда перейдем к третьему вопросу, - сказал Столов. - Вызывается свидетель Пекуровский! - объявил он залу.

Услышав свою фамилию, свидетель вскочил и потрусил к президиуму, на ходу подмигивая сидящим с краю зрительницам.

- Что это с вами? - спросил Овчинников, удивленно разглядывая Пекуровского с головы до ног, - Что с вами делали?

- Мы применяли методологический подход, - крикнул из дальнего угла Гатауллин. Не известно, что бы он еще сообщил суду, но Магасумов быстро и прочно закрыл ему рот своим кулаком.

- Они Вас что, били? - начал понимать ситуацию Овчинников.

- Да, сволочи, - всхлипнул Пекуровский, - Бить меня, потенциального и динамического лидера Вселенной, перед которым и декан, и секретарь, и ректор - мелкие сошки...

- Что?! - взревел Поминов, отрываясь от Столова. - Что вы сказали?

- Ничего, - пролепетал вконец испуганный Пекуровский.

- Вычеркни этого хлыща из списка свидетелей, - обратился к Столову Староверов, нервно стуча карандашом по столу.

- Пусть идет в свой угол, - обиженно заметил Овчинников.

Пекуровский, убитый горем, заковылял прочь от президиума.

А в это время вконец измученный Чумаков нашептывал начальнику конвоя:

- Глебушка! Миленький! Душенька! Не могу больше. Выведи меня, родной... В мое любимое... Христом-богом прошу.

Обеспокоенный Глеб побежал в президиум и стал нашептывать что-то Овчинникову. Тот, посоветовавшись с другими членами судебной комиссии, объявил залу:

- Дорогие зрители! По технический причинам мы вынуждены временно

удалить из зала одного из подсудимых.

- Дима, - обратился он к Таюрскому, который поддерживал порядок в зрительном зале, - Выведи отсюда Чумакова.

Здесь произошел небольшой казус. Таюрский, всецело занятый поддержанием тишины среди публики, плохо расслышал фамилию, а потому быстро направился в скамье почётных гостей, смял в охапку Чубакова и понёс его к двери.

- Ты что, паря, очумел что ли? - возмутился последний.

- Дима, - крикнул Овчинников, - Ты ошибся. Выпусти его.

- Я не ошибся! - прорычал Чубаков, высвобождаясь из железных объятий.
- Теперь я понимаю всё. Вы это нарочно подстроили в надежде лишить меня звания почетного гостя. Но не выйдет!

- Таюрский, уберите из зала Чубакова, - недовольно произнёс Поминов. - Он кричит и мешает нам заниматься.

Растерявшийся Таюрский побежал к группе подсудимых.

- Да не Чумакова, а Чубакова, - крикнул декан.

- Да не Чубакова, а Чумакова, - крикнул Овчинников.

Поднялся невообразимый шум. Уже никто не понимал, кого надо вывести из зала и за что. Но, в конце концов, порядок восстановился. Чубаков покинул зал суда в сопровождении Таюрского, которого уговорил сходить с ним в пивной бар, а Федя покинул зал в сопровождении Глеба Турцева. Сюда они больше не вернулись (по крайней мере, до окончания судебного процесса), так что, что было дальше, Федя уже не знал.

ГЛАВА 10. В ОТСУТСТВИИ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

К моменту водворения Феди из зала, Столов уже охрип. Поэтому И.С.Поминов, будучи человеком отзывчивым, решил дать ему перерыв, чтобы тот отдохнул, сходил в столовую и побрился. Так как в течение часа Ивану Сергеевичу не чем было заняться, то он решил дать слово общественному обвинителю, которое тот держал всё то время, пока Столов приводил себя в порядок.

Так как речь содержала ряд моментов, которые не могут быть освещены

в массовой печати, мы приводим лишь её краткое содержание: ¹⁰

- Леди и джентльмены! Дорогие товарищи! Сегодня, уважаемые члены суда, вы собрались здесь, чтобы сделать выбор между благородной физикой и некоей методологией, возглавляемой так называемым Пекуровским, виноват, Щедровицким.¹¹ В своем небольшом докладе я хотел бы отметить некоторые ключевые моменты, ярко характеризующие деятельность наших противников.

Уже в течение нескольких лет группировка Щедровицкого, простите, Магасумова, именуемая в дальнейшем оппозицией, вела грязную и разнузданную пропаганду, направленную на подрыв физической силы, имеющей кое-где кое-какие проявления в отдельных местах нашего славного физкорпуса. Это проводилось с использованием средств, явно заимствованных из бухгалтерии КАИ.¹²

Вести подрывную работу Магасумову щедро помогали три его сообщника. Они снабжали его стихами Пекуровского,¹³ чёрными свитерами и жидкостью для ращения волос. Враги физики делали всё, чтобы помешать успешному функционированию нашей системы. Но они жестоко просчитались! (Аплодисменты в зале).

Духовным лидером оппозиции, без сомнения, является собственно Магасумов - ярый пособник наших врагов, как на Толстого, так и на Попова. В последнее время, нам стали известны факты, красноречиво свидетельствующие о его связи с сетью ПТУ. Они в своей грязной подрывной деятельности не останавливаются ни перед чем, используя неустойчивость и колебания отдельных членов отдельных академических групп. Магасумову удалось заполучить себе репутацию идейного человека и значок донора - без всякого сомнения, фальшивый. Магасумов в своих неудобоваримых идеях,

¹⁰ Речь в оригинале была составлена самим С. Винокуровым (прим. авт.)

¹¹ Нами установлено, что, в процессе подготовки речи, С. Винокуров был дезинформирован Леной Башковой в том, что, по ее словам, идейным вдохновителем Магасумова является Пекуровский. Против последнего и направил Винокуров острие своей критики. К счастью, истина ему открылась, хотя и поздно, а потому он был вынужден перестраиваться на ходу (прим. авт.)

¹² Лично я сам не против КАИ, однако, не секрет, что самолеты разбиваются, а кто в этом виноват? (прим. А. Столова)

¹³ Пекуровский, Фаткулла Рафаулович (1454 – 1532) - великий татарский поэт-просветитель (прим. Т. Насыбуллина)

диком бреде и горячечных фантазиях зашёл так далеко, что называет себя студентом! (Оживление в зале.) А это гнусная клевета на наше славное студенчество, которое является славной подстилкой... прокладкой... прослойкой между славным трудовым работающим населением и школьно-учащимися иждивенцами. (Из пивбара «Ветерок» доносится возглас Чубакова: «Правильно!»)

Хочется также упомянуть о других членах оппозиции, именуемой в дальнейшем бандой четырёх. Среди них можно отметить некоего Гатауллина. Из осведомленных источников стало известно, что он, используя имеющуюся у него распоряжении сестру, пишет от её имени в министерство Высшего образования анонимки, с требованием наряду с уже существующими стипендиями ввести стипендию имени Щедровицкого или щедрую стипендию в размере 170 руб. и выплачивать её вышеуказанному Гатауллину лично. Это, без сомнения ведёт к подрыву финансовой мощи нашего университета и падению финансовой дисциплины. (Негодование.)

Следует также упомянуть о пресловутом Спекторе, чьи периодически появляющиеся нелегальные пасквили наносят серьёзный урон авторитету общественного и научного руководства физфака.

Особенно опасным членом банды является её технический директор И. Григорьев. Тщательно скрывая свою ренегатскую психологическую сущность, вышеупомянутый Григорьев вошёл в доверие к некоему А.К., фамилию которого я не привожу исключительно потому, что её носят и его ни в чем не повинные дети (сидящий в первом ряду молодой человек с залысиной густо краснеет.) Пользуясь тем, что в прошлую пятницу на А.К. было возложено дежурство по пятьсот девятой аудитории, ренегат-психолог сумел арендовать данную аудиторию для дикой оргии своей банды, которая чуть не привела к летальному исходу. (Председатель суда болезненно поморщился.)

За последний период времени к банде четырёх примкнул также некий Чумаков, человек, безусловно, талантливый, но неуравновешенный; он не мог устоять. Бандиты толкнули примкнувшего к ним Чумакова на покушение на самое святое, что мы имеем на нашем факультете - нашего декана. (Из пивнушки «Ветерок» доносятся крик Таюрского: «Со мной этот фокус не пройдёт!»)

Но пусть в бессильной злобе и ярости творят свои гнусные инсинуации

эти жалкие отщепенцы! Можно было бы ещё много говорить о них. Можно поставить вопрос: «Доколе наша физфаковская действительность будет терпеть всё вышеизложенное?»

Я настаиваю, чтобы мы обратились в ректорат и профком КГУ с просьбой применить к вышеуказанным гражданам исключительную меру наказания без права поступления в другой ВУЗ или снабдить их льготными путёвками в совхоз «Узэк» Актанышского района на период уборки урожая. Это будет справедливым и долгожданным решением! (Бурные аплодисменты.)

Долой банду четырех!

Да здравствует нерушимый блок деканата и масс! (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все лежат.)

По окончании речи Винокурова вернувшийся с обеда Столов, поглаживая отливающие свежей синевой щеки, объявил:

- Продолжается опрос свидетелей! - и снова углубился в высоконаучную беседу с председателем суда.

Андрей Староверов, заглянув в папку с делами, провозгласил:

- Вызывается свидетель Чаян!

К удивлению зала, с места поднялась Лена Башкова.

- Дело в том, - произнесла она, робко оглядывая судебную комиссию, что, насколько известно защите, свидетелю не удалось прибыть на заседание. Но он прислал свои показания в письменном виде, - и она передала Староверову голубой конверт, на котором вместо марки стоял странный штамп: «ВЧ 3212.»

- Нахальство, - буркнул Староверов, забирая письмо, - Молодёжь совсем обленилась! - и он принялся читать:

«Я знаю, что в связи с этим письмом у меня будут крупные неприятности. Но я не мору молчать. Я должен рассказать об одном страшном человеке.

Мне всегда хотелось быть физиком. Но в своей беззаботной юности я натворил много грехов. И вот, когда документы на физфак уже были поданы, ко мне на квартиру пришёл какой-то человек в черном свитере. Он утверждал, что у него имеются компрометирующие меня документы, и угрожал, что он их опубликует, если я не переведусь в КАИ. Я испугался и сказал, что документы я заберу, тогда он отдал мне материалы, но в залог моего будущего перевода взял у меня паспорт. К утру я одумался и документов из приёмной комиссии не забрал.

Узнав, что я успешно сдал экзамены, чёрный человек скрипнул зубами (хотя, возможно, это были всего лишь телефонные помехи) и предложил мне обменять паспорт на читательский билет. Решив, что паспорт в этой жизни полезнее, я согласился на обмен.

Прошло два месяца. Остро нуждаясь в учебниках, но не имея к ним доступа, я вынужден был брать литературу из библиотеки не совсем законным способом. Я не подозревал, что чёрный человек (которого, как я к тому времени выяснил, звали Айдар) внимательно следил за мной. И вот, как-то раз, когда я лез в окно за очередной порцией литературы, он снял меня кинокамерой инфракрасного видения, которую, как он однажды выболтал, предоставило ему его начальство. Под угрозой показа отснятой плёнки в кинотеатре «Вузовец» (которого, как я потом узнал, уже не существовало), он приказал мне изобразить из себя нечистую силу, заявив:

- В наше время с помощью Щедровицкого и мультфильмов о Карлсоне каждый человек может стать привидением.

Более того, пока мой паспорт был в его руках, он успел в графе «отец» поставить мне подпись «Марат Овчинников», почему и родилась эта подлая сплетня.¹⁴

Не в силах больше вести двойную жизнь, я решил обо всем честно рассказать в деканате. Но мой мучитель меня опередил, в результате чего мне на дом была прислана повестка. И вот, я здесь. На этом кончаю. За мной уже идут два человека, все в форме. Прощайте...»

На этом письмо обрывается, - объявил Староверов. - Дальше на бумаге только красные пятна.

- Мы так и не узнаем, как его звали на самом деле, печально заметила Лена Башкова.

В зале раздавались всхлипывания и рыдания.

¹⁴ Фотокамеры репортеров зафиксировали, что в момент зачитания этой фразы секретарь комитета комсомола М. Овчинников, явно смущённый, вышел из зала, куда больше и не возвращался (прим. авт.)

ГЛАВА 11. ВОЙНА УМОВ

Мы подходим к тому драматическому моменту всякого судилища, когда обвинение уже исчерпало все свои резервы, выложило все козырные карты, а у защиты, как всегда, козырей и в помине нет. В эти мгновения очень многое зависит от адвоката: как, не имея абсолютно никаких фактов за душою, оправдать подзащитного или смягчить приговор? Ведь, в самом деле, любое следствие собирает обвинительные улики, но никто еще никогда не собирал оправдательных улик. Вы думаете, их собирает адвокат? Ничуть не бывало! Он слишком занят, чтобы размениваться на подобные мелочи. Всё искусство адвокатуры заключается в том, чтобы уверить суд, что таковых и не надо.

При этом многое зависит от хорошо подвешенного языка, материальных ресурсов и ума адвоката.

Что-что, а голова у Лены Башковой соображала. Умелыми стратегическими действиями ей удалось нейтрализовать большую часть судебной комиссии: Поминов был всецело занят беседой со Столовым (правда, прокат Столова обошелся Башковой в копеечку.) У того же Столова по сходной цене Лене удалось приобрести письмо Чаяна, с помощью которого из зала был удалён Овчинников. Обвинитель Винокуров, заинтригованный смутными обещаниями по вопросу художественного оформления дверей личного кабинета, не настаивал на своём первоначальном суровом решении. Оставшийся в одиночестве Староверов был бессилён предпринять какие-либо серьезные шаги, а потому Лена вступила с ним в открытую схватку.

Нет, это не была заурядная драка. Дуэль устарела еще в прошлом столетии. Поэтому борьба носила исключительно идеологический, словесный характер. Гуманизм схлестнулся с суровой непреклонностью, тонкий ум - с ортодоксальным мышлением.

После того, как Староверов, поднявшись с места и ни к кому конкретно не обращаясь, буркнул себе под нос, что, дескать, стрелять таких надо, слово для защиты взяла Лена Башкова:

- Уважаемая судебная комиссия! Я очень извиняюсь, но вынуждена заявить, что обвинение неправильно расставило акценты в деятельности моих подзащитных. Безусловно, организатором и руководителем группы был Магасумов. Вина его очевидна и сомнений не вызывает. Однако то, что обвинитель ставит в вину другим арестованным, свидетельствует как раз в их

пользу, показывает, что они всеми силами старались благотворно повлиять на Магасумова и смягчить его жесткую антифизфаковскую идеологию. Рассмотрим обвинение более детально.

Здесь было упомянуто, что мои подзащитные снабжали Магасумова жидкостью для ращения волос. Если вы внимательно взгляните в голову Магасумова, то поймете, что жидкость эта использовалась исключительно в благотворительных целях. Что касается черных свитеров, то вы сами знаете, что основными их поставщиками в Казани являются заезжие цыгане, и, таким образом, это большой вклад группы в борьбу с частным предпринимательством - сужение рынка сбыта частной цыганской продукции.

Рядовые члены группы также неоднократно пытались зародить зачатки гуманизма в душе Магасумова. Они читали ему Пекуровского! Разве не облагораживают наш помыслы следующие строки:

*Мариамны энисе ашау алдыннан юды.
Сулы тазда сабын йозу иде.
Бу ак сабынны куллар алтырадылар.
Донья йоде моннан да матуррак
Кулларны белми иде!¹⁵*

(Пекуровский, раскрыв рот, слушал стихи своего гениального однофамильца.)

Тут опять поднял голову Староверов:

- А вы бы не могли дать подстрочный перевод? А то не известно даже, о чем там говорится!

- А Вы что, не поняли? - вступил в беседу декан физфака - Это же так красиво! «Бу ак сабынны куллар...» - произнес он мечтательно.

- Я предпочитаю заниматься физикой, а не стихами этого отщепенца, - и Староверов махнул рукой в сторону ютившегося в углу лидера Вселенной.

¹⁵ Здесь приведен отрывок из касыды Ф. Р. Пекуровского «Эти белые, чистые руки Мариям». Это одно из первых произведений средневекового Востока, посвященных пропаганде туалетного мыла, а также проблемам борьбы с дизентерией, которой тогда страдало множество народу, в частности, ближайшее окружение Ф. Р. Пекуровского (прим. авт.)

- А прячем здесь он? - холодным тоном поинтересовался Поминов.

- Как, разве это не его стихи?

- Стыдно. Классики не знаете. Не всё, что блестит - золото, не всё то, что является Пекуровским - поэт. Нужно быть гармонично развитым!

Столов, обеспокоенный возможностью драки в президиуме, поспешил вытолкать Староверова за дверь. С большим трудом, но ему это удалось.¹⁶

Надо сказать, что Столов допустил ошибку: забыл закрыть дверь. К чему это привело, читатель узнает позднее. А пока Лена Башкова, одарив секретаря комиссии благодарной улыбкой, продолжила свою речь:

- И, наконец, несколько слов о последнем моём подзащитном – Чумакове. О непреднамеренности его действий свидетельствует то, что, открыв дверь и ударив декана, он упал к его ногам.

- Он его просто плохо знает! - выкрикнул со своего места Магасумов, - Если бы они были хорошо знакомы, то он открыл бы дверь так, что декан упал к его ногам.

¹⁶ Вот пример истинного героизма! Столов с лихвой окупил расходы, понесённые Ел. Башковой (прим. А.Столова).

Справедливости ради, отметим, что Столов не применял физическую силу, а просто шепнул Староверову, что через четверть часа начнётся матч ЦСКА – Спартак (прим. Т. Насыбуллина).

Ф. Р. Пекуровский
1454 - 1532

«Мариамны энисе ашау алдыннан юды»

Лена, укоризненно взглянув на Магасумова, тихо, но твёрдо произнесла:
Я прошу суд оградить моего подзащитного от гнусной клеветы, которую, в силу технических обстоятельств, он не может опровергнуть лично.

- Ладно, - сказал Поминов, взглянув на часы. Если защита имеет что сказать, она сообщит мне это письменно, после вступления приговора в силу. А пока предоставим слово обвиняемым. А вам - пятёрка, - бросил он Столову,
- Ещё одну получите, если сбегаете в буфет за пирожками. Я успел проголодаться.

Секретарь комиссии весело захлопнул свои тетради и, поймав на лету брошенную ему ассигнацию, объявил:

- Слово имеет подсудимый Магасумов. Хе-хе.

И Столов весело побежал в буфет. Он так бы весело и добежал до нужной ему торговой точки, но, уже вылетая из зала, он споткнулся о большой чёрный предмет и проехался на животе по каменному полу вестибюля, что несколько умерило его веселость.

Магасумов говорил долго и нудно. Поэтому его никто не слушал. Внимание всего зала было сосредоточено на объекте, который чуть не стоил Столову нескольких зубов. Впрочем, виноват в этом был сам секретарь комиссии. Как уже было замечено ранее, выводя из зала Староверова, он

забыл закрыть дверь. Со своей стороны, уже известный нашему читателю кот, неудовлетворённый ассортиментом впечатлений, которые он мог найти за пазухой Глеба Турцева, решительно вырвался оттуда и поспешил вернуться в зал заседаний. Так как дверь была открыта, он решил войти, и не его вина, что Столов в погоне за пирожками не глядел под ноги. Самому коту это столкновение также нанесло некоторый урон.

Дело в том, что, решив пофорсить, на пути в зал он одолжил у своего приятеля шляпу. Ему она очень нравилась, так как в ней он был похож на Кису Воробьянинова.

И вот теперь на прекрасных широких черных полях этого великолепного головного убора уныло серел отпечаток пыльного столовского ботинка. Конечно, это был невосполнимый урон, но кот не пал духом. Игнорируя робкие призывы Пекуровского «Миша! Миша!», кот гордо прошествовал в президиум и сел там на стол, внимательно изучая глаза председателя комиссии.

- Молодой человек, - мягко оказал ему декан, - Шляпу при входе в помещение надо снимать!

Кот всем своим видом продемонстрировал, что человеческая речь ему не понятна.

- Иван Сергеевич, что вы с ним церемонитесь? Трахните линейкой - и вся недолга, - заметил Винокуров.

Кот в спешке, потеряв на столе шляпу, опрометью бросился на задние ряды.

- Хе-хе! - произнес Поминов и подмигнул Винокурову.

А Магасумов всё еще говорил. Не известно, кончил ли бы он вообще, но кот, не сумев вовремя затормозить, врезался прямо в Айдара. Ошалев от столкновения, бедное животное когтями всех четырех лап вцепилось в великолепный черный свитер.

- Уберите кота с моего живота! - завопил Магасумов, прервав свою речь.

Кота убрали, но Поминов решил, что Магасумов уже всё сказал, и передал слово Гатауллину.

Принц очень волновался, а потому говорил невнятно. К тому же, из буфета вернулся Столов с пятью пирожками, которые он положил в шляпу, оставленную декану котом.

Поминов, принявшись за пирожок, в речи Гатауллина мог уловить только

одно слово - Щедровицкий. Остальные слышали не многим более. Что было ценно в речи Гатаулета - это её краткость. Последним слово ваял Григорьев:

- Иван Сергеевич, - мрачно улыбнувшись спросил он,- сколько пирожков вы можете съесть натошак?

Поминов задумался, а потому не заметил, как кот, пробравшись обратно к президиуму, стибрил оставшиеся пирожки. Когда председатель комиссии спохватился, было уже поздно. Образцы кулинарной продукции уже перестали существовать. В наказание, кот вместе со своим предполагаемым хозяином (Пекуровским) был поставлен в угол подсудимых, а Григорьев лишен последнего слова.

Так как совещаться председателю комиссии было не с кем, решение он вынес незамедлительно:

- Исходя из вышеизложенных фактов, мы постановляем: Первое. Подсудимых Григорьева, Чумакова и Гатауллина приговорить к принудительным работам колхозного профиля, сроком на один месяц, в порядке оказания шефской помощи сельскому хозяйству. Второе. Подсудимого Магасумова, как лицо не подвластное администрации, выслать за пределы физкорпуса, без права дальнейшего появления на его территории. Третье. Направить в ректорат КАИ ноту протеста по поводу подрывной деятельности их подопечных на территории КГУ. Четвёртое. Студентов Чубакова, Пекуровского, а также принадлежащего последнему коту за нарушения общественного порядка приговорить к той же мере наказания, что и подсудимых Григорьева, Гатауллина, Чумакова. Руководителем группы назначить Пекуровского. Теперь поглядим, кто из нас мелкая сошка. Хе-хе.

Фото А. Столова, постановка Т. Насыбуллина

После зачтения приговора кот, в сердцах, сплюнул на пол, увеличился в размерах и, превратившись в Спектора, процедил:

- Во-первых, я не собственность Пекуровского. Во-вторых, вы же меня оправдали!

- Я тебя оправдал, я тебя и пошлю, - невозмутимо ответил декан, - Поедете в колхоз за попытку ввести суд в заблуждение.

А в это время два дюжих дружинника выводили подсудимых по одному на улицу и сажали в машину с надписью «Битая птица?».¹⁷ Последним волокли Пекуровского. Он истошно кричал:

- Что вы делаете! Это будет невосполнимая потеря для человечества! Они же меня убьют!

- Да ладно, живи уж, предатель, - устало сказал Григорьев, высовываясь из машины.

Благодарный Пекуровский окропил обильными слезами его чёрный свитер. Наконец, все сели. Машина тронулась. В облаке поднятой ею пыли

¹⁷ Пусть читателя не смущает эта надпись. наших героев везли на строительство птицефабрики «Татарская» (Прим. авт.)

еще долго можно было видеть довольного Магасумова, махавшего нашим героям рукой. Машина мчалась всё дальше.

Начиналась новая жизнь.

ГЛАВА 12. ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛИЯ

- А мы, в общем, хорошо отделались, - говорил Игорь Григорьев, в то время как старая колымага, подпрыгивая на каждой кочке, вырубивала к кирпичным развалинам, напоминающим скорее археологическую достопримечательность, нежели птицефабрику. - Я, признаться, боялся, что нас объявят сумасшедшими и упекут куда подальше. А тут даже работать разрешают...

- Послушай, - перебил его Гатаулет, - я так и не понял, кого с нами отправили - Чумакова или Чубакова?

- Чубакова, - ответил сидящий по привычке на коленях Пекуровского Спектор. - Я это слышал собственными ушами. Но я также слышал и про его связи. Поэтому не удивляйтесь, что Димы с нами лет.

- Меня тоже наказали, - подал из другого угла голос Федя.

- А тебя-то за что? - спросил не то принц Датский, не то Пекуровский.

- За покушение на жизнь декана.

Все засмеялись, а потом заговорили о чём-то странном, общее содержание которого сводилось к заверению Федя в том, что он необыкновенно (да-да, Вы угадали) самонадеян.

Однако машина давно уже остановилась. В кузов заглянул какой-то в дрезину пьяный мужчина и прохрипел:

- А ну выгружайтесь, хремучие хады!

Когда же наши герои ощутили почву под ногами, тот же мужик разъяснил им обстановку:

Жить они будут в Столбищах у тети Маши.¹⁸ Оттуда до птицефермы - три-

¹⁸ Справедливости ради, отметим, что настоящее имя тети Маши было Марьям, ибо она была татаркой. Квартирантов она пускала потому, что пенсия её была очень незначительна, так как большая часть ее трудовой деятельности занимала период до 1917 года. Поговаривали даже, что именно ей посвятил свою бессмертную касыду Ф. Р. Пекуровский

четыре километра. Летом ходила машина. Сейчас бездорожье. Работа простая: копать ямы, таскать кирпич, разводить цемент, кладка, крыть шифер, убирать мусор. Рабочих нет. Денег совсем нет. Водка подорожала. Народ не уважают. Плевал я на всех. Кругом сволочи.

Тётя Маша оказалась необыкновенно доброй и приветливой старушкой.¹⁹ Правда, места в её коттедже образца болгарской архитектуры явно было маловато, однако нашлись две полутороспальные лавки, на которых предполагалось попарно разместить Григорьева с Гатауллиным и Пекуровского с Чумаковым. Спектор согласился спать на коврике. И стали они жить-поживать, добра наживать.

Днём работают, вечером отдыхают, ночью думают. Миша ловил мышей, а порой, когда харчей тётимашиных не хватало, он у хозяйского кота Васьки одалживал. Работа была трудная, но как не сладить с ней пятерым добрым молодцам!

- А хорошо бы в Казань мотнуть, - говорил принц, вытирая пот со лба и присаживаясь на кирпич. Его партнер по носилкам, Григорьев, не поддерживал разговора. - Малина! Мы тут вкалываем, а эти Столов с Насыбуллиным про нас опять какую-нибудь галиматью пишут. Уж не знаю, меня в каком виде представят! Дураки! Думают, что издеваются над нами, а, на самом деле, мы над ними издеваемся. Вот смотри. Хочешь, я скажу сейчас, что Столов - дурак, а они запишут! Видишь, уже записали! - Принц засмеялся.

- Так послушай, - вдруг оживился собеседник, - давай, и мы про них что-нибудь эдакое создадим. Устроим, например, нечто вроде поэтического вечера.

- Можно, конечно, только глупо. Спектор уже третий день отсутствует, а от Пекуровского так несет лопушиной настойкой, что с ним вместе невозможно ничего сочинять... Гуля? Люба? Света? Маруся?

- Не угадал. Федя! - это к ним незаметно подошёл наш главный герой. - У меня приятная новость. Вернулся из загула Спектор. Сидит и что-то мурлычет под гитару.

¹⁹ По мнению Спектора, тетя Маша была ещё ничего. Хорошо сохраняться со времен Ф. Р. Пекуровского ей помогла регулярно потребляемая лопушиная настойка (прим. авт.)

Когда под вечер работники вернулись домой, их глазам предстала следующая картина: Пекуровский сидел у затопленной печки в шерстяных носках, сморкался и что-то писал. Из кастрюли с лопушиной настойкой шёл пар. Градусник под мышкой Виктора показывал 38.²⁰ Спектор, у которого был весьма потрёпанный вид, спал.

- А где ужин? - явно злясь, спросил Гатауллин.

Пекуровский махнул в сторону стола и вновь углубился в записи.

- Мы тут решили устроить вечер поэзии, - обратился к Виктору Григорьев.

- Сейчас, сейчас! Не мешайте! - Виктор снова творил. Федя, Анвар и Игорь молча поели. И тут началось: Пекуровский встал в позу Наполеона и продекламировал:

*«Я сегодня видел в бане Столова,
Ну, представьте, совершенно голого.
Существо противное, смердящее
И усами мерзко шевелящее.»²¹*

Гатауллин и Федя захохотали, а Григорьев подумал, было, неладное, но решил пока не торопиться с выводами и перевёл мысли свои в другую плоскость:

- А Спектор ужинал? Витя, разбуди-ка его.

Добудиться было не так-то просто. Феде и Григорьеву пришлось его основательно потрясти, при тряске, из кармана Спектора впала красная книжечка, на которой золотом было вытеснено: «Абонемент».

- Что это? - спросил заинтригованный принц (он любил всяческие абонементы, собрания и методические разработки.)

- Сейчас увидим, - усмехнулся Григорьев, раскрывая корочки.

Содержание документа поразило наших героев. Там значилось:

²⁰ Как выяснилось позже, от неумеренного потребления мышей, поставляемых Спектором, у Виктора развилась тяжелая форма мышинной лихорадки. Однако, об этом слишком поздно узнали (прим. авт.)

²¹ Используется отрывок из произведения В. Р. Пекуровского (не путать с Ф.Р. Пекуровским - прим. авт.)

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ КОШАЧЬИХ КОНЦЕРТОВ	
Сентябрь, 15-е, Крыша Дома Ученых	Встреча с кошкой Алисы Фрейдлих
Октябрь, 10-е, там же	
Январь, 1-е, Чердак Дворца Спорта	Торжественная встреча Нового Года
Февраль, 23-е, ЦПКиО	Финал соревнований «А ну-ка, Васьки!»
Март	Художественная самодеятельность на местах
Апрель, 2-е, ул. Короленко, д. 50А, кв. 50	Заключительный концерт сезона

- У меня есть сомнение, - задумчиво произнес Григорьев, - Дадим ему молока.

- Молоко пить будешь? - спрашивал Виктор, теребя Мишу за шевелюру. Спектор сквозь сон кивнул.

- Из блюдца будешь?

Спектор кивнул.

- Определённо, кот, - заключил Пекуровский и обмакнул Мишин нос в молоко. Спектор, вылизав всё, проснулся окончательно.

- Ах ты, блудный сын! - любовно отчитывал его Григорьев, - А ну рассказывай, где тебя носило три дня и три ночи! Ну, что молчишь? Отвечай!

Спектор задумчиво взял гитару и запел:

*«Ваше благородие, госпожа Мария,
Разлучила нас с тобой коровья индустрия.
Шерсти клоч «на память» погоди, не рви,
Не везет в концерте, повезет в любви.*

*Ваше благородие, госпожа Елена,
Морду тер я полчаса о твоё колено.
Своего папашу, постой, не зови,
Не везет в концерте, повезет в любви.*

*Ваше благородие, госпожа Людмила,
Крепко обнимала ты, да только не любила.
В сеть окрестных кошек, постой, не лови.
Не везёт в концерте, повезет в любви.*

*Ваше благородие, госпожа Тамара,
Я теперь с другой хожу, вот такая шара.
Ген котов бродячих у меня в крови,
Не везёт в концертах, но везет в любви!»*

- Ты что-нибудь понял? - спросил у Игоря Датский принц. Григорьев понял, но без подробностей, а потому попросил Мишу рассказать всё, как было.

РАССКАЗ СПЕКТОРА

- Друзья! - начал он, - Вы не могли не заметить, что чёрный аист невзгоды все больше и больше отбрасывает тень на нашу маленькую ячейку. Горько мне было видеть, как неделю назад стал абсолютно нетрудоспособным и слег с высокой температурой милый моему и не только моему сердцу Виктор. Он болен уже восьмой день, а о какой-либо ощутимой поправке не может быть и речи. Четыре дня назад появились признаки тяжёлого недуга и у нашего несравненного и тоже любимого Федора. Хотя он ещё может передвигаться, но только рывками, ибо обстоятельства заставляют его не покидать на большие периоды времени мест общественного пользования, а потому Федя столь же нетрудоспособен, что и Витя. Таким образом, на плечи оставшихся троих работников легла непосильная задача: с одной стороны, работать за пятерых, с другой - ухаживать за больными. Мы не могли рассчитывать ни на помощь местного врача Галины Степановны, ибо её в порядке шефской помощи направили на овощебазу, ни на помощь знахарки бабы Дуси, поскольку мы атеисты и не верим в подобного рода махинации. Положение становилось критическим. И тут я вспомнил о том, что коты, болевая, инстинктивно находят в лесу какую-то травку, которая вылечивает их от всех недугов. И я решил отыскать эту чудо-траву.

Друзья! Вас, наверное, не раз удивляло то, что я с легкостью могу превращаться в черного кота и обратно. Хочу вас заверить - в этом нет ничего сверхъестественного. Более того, такой способности я немного обязан и одному из здесь присутствующих, - Миша кивнул в сторону Игоря.

Я помню, как несколько лет назад мы с ним добросовестно постигали основы нирваны, а затем наши пути немного разошлись. Игорь углубился в

йогу, как таковую, занявшись укрощением собственной плоти, я же направил свои усилия на изучение более древних индийских верований. В частности, я подробно ознакомился с тем, что у нас принято называть «переселением душ». Пожалуйста, не думайте, что я верю в это «переселение», как и в то, что душа вообще существует. Конечно, нет. Но вот на чём основан этот религиозный догмат: люди произошли от животных. Да! Именно, от кошек, мышей, собак, крыс, тигров, медведей и т.д., и т.п., а вовсе не от одних обезьян, как принято считать теперь. Более того, учитывая мои собственные исследования, я могу заключить: люди произошли от кошек. По крайней мере, в основном. Вам вскоре это станет ясно.

Параллельно я постигал азы гипноза. Вы хорошо знаете, что гипноз, как таковой появился за много веков до нашей эры. И вот как-то, среди кипы работ по прикладной сексологии... я хотел сказать палеонтологии, я обнаружил трактат китайского философа, кажется Ху Нина, переведённый с древнеиндийского неизвестным автором. Нет смысла пересказывать его содержание, тем более что там много заблуждений и преувеличений. Но он-то и позволил мне достичь всего того, что вы неоднократно наблюдали. Вам кажется, что перед вами сидит черный кот, но это не верно. Это не кот, а всего лишь облик моего предка, внушаемый всем вам путём гипноза.

- Но позвольте, - прервал рассказчика Чёрный принц, - я сам неоднократно гладил этого кота и кормил его из рук. Что, мне всё это только показалось?

- Именно так. Не думайте, пожалуйста, что когда кот вылезает в форточку, это означает, что я действительно сжимаюсь в размерах и втискиваюсь в столь малый прямоугольник. На самом деле это вызвано лишь внушением.

- Ну а куда же деваешься ты сам? - спросил Федя.

- А никуда. Вам внушается автоматически, что я уже не я, то бишь, я, как человек, исчезаю и появляюсь в новом качестве. Но только для вас.

- И еще вопрос, - на сей раз, поинтересовался Григорьев, - Почему тебя так любят кошки?

- Это вы у них спрашивайте, - улыбнулся Спектор. - Позвольте мне продолжать. Так вот. Я решил любой ценой раздобыть эту чудодейственную траву.

Но вы не приставляете себе, как это сложно! У котиков есть безусловные рефлексы на поиск трав, а ведь у меня их нет! И я решил действовать

окольным путём. Ранним утром, когда вы еще ворочались в постелях, я незаметно выпрыгнул в форточку, потом перелез через плетень и оказался в огороде нашей соседки Людмилы. Увидев меня, всполошились куры, а я, миновав их, вскоре стучался в сенцы.

Людмила вышла в одном переднике и сперва испугалась. Ах, если бы вы могли её видеть в тот момент!.. Вскоре она узнала меня, я определил это по её милой улыбке. Всем известно, что моя внешность располагает, а потому, не прошло и десяти минут, как Людмила распахнула входную дверь и сказала:

- А, городской, заходи.

Глазам моим предстал роскошный интерьер деревенской избы. Блестели чистотой окна, цвели цветы в кадках, стол был накрыт декоративной полихлорвиниловой скатертью, про которую поэт бы сказал: «Не руками шита». На ней стоял кофейник, а на стене висели открытки, я бы сказал, возбуждающего характера.

Людмила переодевалась в соседней комнате, а я терпеливо ждал. В замочную скважину ничего не было видно. Потом..., - Миша потрогал лоб, - она вышла припудренная, припомаженная. Мы разговорились. О жизни, обо всём.

Так прошло полдня. Я поинтересовался, почему она никуда не спешит. Оказывается, Людмила не работает. То есть, не в том смысле, что вообще не работает, а не так работает. Она рассказывала мне о тяжёлой судьбе Аркадия, у которого некрасивая, но ревнивая жена, а потому он в девять уже должен уходить; про Лёню-лаптя, бригадира, который обычно приходит в половине десятого. Когда начало темнеть, в дверь постучали, и я ушёл. Снова огороды...

- Позволь, так, я не понял, - почти прокричал Федор, - А причем здесь кошачья травка?

- Ах, да. Я всё время пытался перевести разговор на эту тему. Но безрезультатно. Вы послушайте, что было дальше...

Ночевал я на чердаке. Когда же наступило утро, я обнаружил, что рядом со мной спали еще три кошки: черная, как я потом выяснил, кошка Тамары, брюнетки из коровника (я хочу сказать, что она, то есть Тамара, работает в коровнике дояркой), белая кошка - принадлежавшая другой девушке, Марии, блондинке, подруге Тамары, и рыжая кошка - бездомная. Я со всеми тремя познакомился. Товарищи: вы себе не представляете, до чего глупые эти

создания природы! Ни какого сравнения с их хозяйками. Они буквально ничего не соображают, и кроме «мяу» от них ничего не удалось добиться. Правда, к чести их, они меня правильно оценили; я совершил с ними моцион до самого коровника, и лишь там мы расстались.

Теперь я вам опишу моих подруг - Машу и Таму. Это две сельские красавицы столь не похожие друг на друга, сколь яркое солнце не похоже на бледную Луну.

А их внутренний мир! Мы беседовали о Фейхтвангере (честно говоря, я от них впервые услышал эту фамилию.) Мария сказала, что он держал скобяную давку в Одессе. Мы говорили о современной французской симфонической школе, всего не упомнишь. А умение держаться! Учтите, что работа в коровнике - не сахар. Я, помнится, упал в навоз, так они потом выстирали всю одежду и меня самого.

А вечером мы были на танцах. Представьте мое несчастное положение - между двух огней. Я стоял перед выбором. Да, кстати, на танцах видел тебя, Игорь, и Анвара. Ну, вы явно переборщили. Ведь это деревенский клуб, а не Фридрихштатпалас. Я забыл, о чем я только что говорил?...

- О Марии и Тамаре, - ответил Анвар.

- А, да. Они оказались студентками КАИ. Тоже на практике. Обещали зайти к нам. Взгляните, это не они идут?

(Это были не они. Колоссального количества свора кошек устраивала демонстрацию возле тётимашинной мазанки. Некоторые кошки пытались влезть в окно, но Григорьев вовремя запер форточку.)

- Но самое интересное, продолжал Спектор, было дальше. Как вы знаете, ночью по деревне ходить опасно. Подвыпившие парни так и лезут бить морду, кому попало. Поэтому я, возвращаясь домой, был вынужден принять облик вышеупомянутого кота. Однако тут я был затравлен какой-то дворнягой. Мне ничего не оставалось делать, как впрыгнуть в первое попавшееся окно и укрыться в темном помещении. Когда я залез под шкаф, неожиданно до меня донеслись звуки женского голоса.

- Кис-кис, - говорила она. Зажегся свет. Я высунул усы, потом нос из-под шкафа и, наконец, разглядел совсем еще юную девушку, которая была так красива, что я мгновенно позабыл недавнее бегство от собаки, свой разодранный об забор хвост и все прочие неприятности. Это было, как в сказке. Сидеть у нее на коленях и есть из её рук - истинное наслаждение. Она

гладила меня и говорила ласковые слова, а я смотрел на неё своими красивыми и умными глазами. Потом она начала что-то писать. Я влез на стол и прочитал титульный лист ее тетради. Ее звали Еленой. Она училась в десятом классе и в данный момент делала домашнее задание по математике. Я старался помочь ей, как мог, но что я тогда мог! И тут я мучительно захотел принять свой естественный облик, но, увы, в данной обстановке такое было бы по меньшей мере нетактично. Поэтому, когда она уснула, я устроился у неё в ногах и так провел ночь.

Утром заглянул её отец (как выяснилось, гипноз на него не действовал) и, увидев меня, вышвырнул за дверь. Пока я перелетал через грядки, в голове моей созрел план. Дождавшись ухода Лениных родителей, я постучался к ней.

- Здравствуйте. Вы не видели моего чёрного кота? - спросил я, - Он должен был где-то здесь прогуливаться.

- Ах, это ваш котик! Такой милый котик! Такой пушистый котик! Да, он был здесь, но исчез.

- Какая досада! А я никак не смогу заменить его? Или я не столь симпатичен?

- В вас что-то есть. Вы мне даже его чем-то напоминаете.

Так мы познакомились. И подружились. Я предложил проводить ее до школы, но тут выяснилось, что ни в какую школу она не собирается, ибо сегодня днём в клубе лекция некоего столичного психолога-сексолога. Я был потрясён. Однако, когда увидел объявление, понял всё.

«СЕГОДНЯ В КЛУБЕ

ЛЕКЦИЯ

на тему:

МЕТОДОЛОГИЯ УБОРКИ ЗЕРНОВЫХ И ЗЕРНОБОБОВЫХ

лектор: сотрудник псих. лаборатории, социолог, психосексолог

АНВАР ГАТАУЛЛИН

(Казань – Столбщи – Ленинград)

В программе показ соответствующих слайдов Григорьевым И.

(тоже псих.)»²²

²² По данным ЦСУ СССР, так как доклад несколько затянулся, зерновые в этом районе убрать не успели (прим. авт.)

- Лена, - сказал я, - Я не допущу того, чтобы ты пошла туда. Ты невинна сейчас, как котёнок, а лекция развратит тебя.

Но не тут-то было! Она схватила меня под руку, втащила в дверь клуба и нарочно провела меня через весь зал, чтобы ее одноклассницы видели, какой у нее красивой парень. Не знаю, как одноклассницы, а вот одноклассники тарасились на меня так, что я поклялся незаметно исчезнуть, как только лекция кончится.

Теперь о самой лекции. По-моему, незачем было отделять мужчин от женщин в самом начале. Это первое. Второе. Желательно было при рассказе о зернобобовых демонстрировать сельские виды, а не эти ваши западногерманские иллюстрации. Третье. Говоря о видовой селекции, вы несколько раз оговорились и назвали её половой. Четвертое. Вы устраивали тренинг: женщины нагибаются, якобы собирают зерно (его, кстати, не собирают), а мужчины сидят и хором поют. Почему они поют именно репертуар Манфреда Мэнна? Почему не русские песни? В зале сидел председатель колхоза. Он ничего не понял, и не удивительно. Пятое. Зачем вы придумали эту игру в пшеницу? Конечно, она понравилась колхозницам. Еще бы, мужья щекочут их пшеничный колосом, держа его зубами, потом передают колос зуб в зуб, а, главное, меняют «жён». Ведь там же были школьницы! Что они подумали! И, наконец, шестое. Когда погас свет, тут бы и кончать лекцию, но нет! Они придумывают зажечь керосиновую лампу! Она падает, и, следствие всего этого - пожар. Вы принимали участие в его тушении?

- С методологической точки зрения...- начал было оправдываться Гатауллин, но был прерван.

- Да! С методологической! Я подпалил усы и хвост, а эти паразиты спасают рукопись лекции и слайды! Всю ночь я рвал и метал, бросался на собак. Но под утро голос рассудка вернулся ко мне. Я осознал, что меня ждут, что я нужен. И я пришел.

- Так я не понял, - спросил, в конце концов, Григорьев, - ты раздобыл траву или нет?

- Какую траву? - изумился Спектор. - А-а. Я понял тщетность попыток найти её здесь. Тем более – осенью. Она, наверное, вся повымерзла.

К концу рассказа Спектора (а рассказ длился долго. Три дня Григорьев, Гатауллин и изредка Чумаков слушали Мишу с перерывами на еду и сон. А когда они работали, Спектор записывал очередную порцию рассказа в тетрадь, вычёркивал лишние места и ухаживал за больными.) Итак, к концу рассказа Спектора состояние больных резко ухудшилось. Федя почти не покидал своего любимого заведения, а с Пекуровским творились странные вещи.

Он часто, сидя на кровати, шептал, почти про себя, какие-то несуразности на непонятном никому языке. Однажды, проснувшись утром, он вдруг закричал:

- Я - Пекуровский! Я - великий татарский поэт-просветитель! Это я написал «Мариамны энисе..»! Что? Вы мне не верите...

- У него горячка, - заключил Григорьев, также проснувшись. - Срочно вызываем «скорую» из района.

Приехавший вскоре врач спросил у вышедшего из избы молодого человека:

- Это вы, там, стихи пишете?

- Да, я, - самонадеянно ответил тот.

- Заберите.

Санитары исполнили свой долг.

- Но я не успел попрощаться, - заявил, было, Федор.

- Вылечим - попрощаешься, - ответил врач и пристегнул нашего героя к сидению.

Машина тронулась.

ГЛАВА 13. О БОЛЬНИЦЕ, О БУГУЛЬМЕ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОБЪЕКТАХ

Как вы уже догадались, Федя попал в психиатрическую больницу. Описывать её мы не будем; к этому лечебному заведению и так проявляется какой-то массовый литературный нездоровый интерес. Поэтому остановимся лишь на Фединых ближайших соседях по палате.

Слева от него лежал до боли знакомый Чумакову Столов, но уже никого не узнавал. Из разговора врачей Федя понял, что бывшего секретаря судебной

комиссии погубила любовь к искусству. Бросив стихи, Столов увлекся музыкой. Он задался грандиозной целью - собрать хотя бы по одному концерту каждой из существующих у нас вокальных групп. Но поскольку Столов был не коллекционером-профессионалом, а всего лишь любителем, то он допустил роковую ошибку: мало того, что он собирал кассеты, он их ещё и слушал! Результат не замедлил сказаться. Теперь заросший щетиной, лохматый Столов день напролет лежал на спине, уставившись в потолок, и мрачно тянул хриплым голосом:

- Про-о-очь! Я асфа-а-альт! - или, - Я... же-енщина... которая... поёт!

Черты правого соседа тоже вызвали у Феди какие-то воспоминания, но твердо сказать, где он видел этого бледного, тощего, со впавшими щеками ещё молодого человека, он затруднялся. Но тот сам пошел на доверительную беседу.

Дождавшись, когда врач окончил обход, а Столов прекратил на время свои заунывные песнопения в духе панков и шаманов с острова Комодо, бледный человек с горячным взором нагнулся к Чумакову и шепнул:

- Я секретэр! - и, увидев испуг в Фединых глазах, объяснил, - Не обрэщэй внимэния, это я от волнэния, - сглотнул, - Ну вот, нормально. У тебя дети есть?... Жаль. Ты бы меня понял. Эти мне не верят, смеются. А ведь это я, я собственноручно... родил, - он прослезился, - Где мой сынок?... Тебе с воли пишут?... Если пишут, то пусть, если встретят... Чайна Овчинникова, передадут, что папа Марат ему кланяется... - он разрыдался.

Теперь Федя узнал своего соседа. Не в силах вынести окружающего его кошмара, он прорвался на прием к главному врачу. Между ними состоялся примерно такой разговор:

- Так Вы утверждаете, что совершенно здоровы?

- Вовсе нет, я тяжело болен. Но я хочу сказать, что я вполне нормален.

- То сеть?

- Не псих.

- Ф-Фу, как грубо. Разве я не вижу, что Вы - не псих! Однако...

- Однако?

- Однако, все мы... Вы, простите - поэт?

- Я, - Федя засмутился, - немного. А что?

- Ничего. Это записано в вашей больничной карточке. Хотите, я Вас буду

звать «поэт»? Да, кстати, «У Лукоморья дуб зелёный...» - не Ваше?

- Вы шутите?

- Отнюдь. Прочтите что-нибудь. Своё. А?

Федя прочёл.

- Д-да! Как писал в своей последней монографии Дельгадо, здесь мы имеем локальное воспаление мозжечка, вызывающее болезненную доминанту М-С-области мозговой коры... Но для общества не опасен. Так что забирайте одежду - и зарабатывайте свой хлеб сами. Хотя бы поэзией.

- Но позвольте, ведь у меня почки, кишечник!

- Нет, нет, нет. Никаких кишечников. Вываливайтесь отсюда, это не наш профиль.

- Так, где же мне их лечить?

- Вы что, ненормальный! Не лечим мы почек! Не лечим! У нас только что закончилось профсоюзное собрание, так вот - можете жаловаться в Главпсихпрофсоюз, но не забудьте сказать, что вы псих или симулянт, иначе Вам не поверят профсоюзные боссы! Чао!

Увы, врач не шутил. Фёдор вынужден был покинуть больницу в ближайшие 24 часа. Тот, кто знает, где находится республиканская психиатричка, хорошо представляет себе, что добраться оттуда до птичника можно либо на попутке, либо на своих двоих... крыльях (если вы в больнице считались важной птицей.) Наш герой был вынужден выбрать первый путь.

Завидев контуры грузовика, Фёдор энергично замахал руками, а когда подкатила машина, и выяснилось, что им по пути - влез на сиденье рядом с водителем.

- Так ты столбищенский? - спросил дядя-водитель, включив сцепление.

- Нет. Казанский.

- А звать тебя как?

- Фёдор.

- Тёзка. А меня - Женя. Так, значит, горожанин. А чё в деревне делаешь?

- Студент я.

- Понял. Математик, небось?

- Физик.

- Понял. Машина что такое - представляешь?

- Грузовик?

- Зачем. ЕС-1022Б, ЕС-1033 - этих видел?

- ЭВМ? - Видел.
- Так вот скажи, что важнее, человек или машина? Только честно.
- Конечно, человек. Ведь для него она работает.
- Ну, хорошо. А что ты скажешь насчёт автобуса? Он что, тоже хуже человека?
- А как же!
- Представь себе: автобусная остановка, куча народу, и ни одной машины
- это хорошо?
- Нехорошо.
- Так, выходит, всё-таки лучше бы машина, а не эти люди!
- Да вы - философ!
- Честно говоря, нет. Экономист я. Из Ленинграда. С машинным уклоном. То есть, экономкибернетику кончил. Пытался на работу устроиться - куда там! Руководитель как слово «эконом» услышит, так от тебя, как от чумы, отрещивается. Пришлось переквалифицироваться. Теперь вот езжу, общаюсь. Так что ты подумай. Может сразу стоит человеком стать, а не через пять лет...
- А вы – столбищенский?
- Я-то? Нет. Кирпич везу. Из Ленинграда. Может, слышал - птицефабрика там строится. А вообще, у меня в Столбищах шурин живёт, председатель сельсовета. Кириллов, Вася. Не слышал? Ну, ещё, значит, услышишь. С ним раз оказия случилась. Он раньше в Бугульме жил.²³ Так вот, - дядя-водитель оживлялся прямо на глазах, - эта история долгая. Только слушай:

ТАЙНА СТАРОГО ГАРАЖА (Бугульминский эпос)

«Был некогда у Васи дружок, директор местного заводика. Сейчас они крепко поцапались, а тогда их водой разлить нельзя было. А вот водкой... С её-то, проклятой и началось.

Случилось с дружком тем беда - поскользнулся он с бутылкой водки в руках, выходя из винного магазина (в Бугульме это нетрудно, особенно в

²³ Здесь мы не вполне уверены в названии города, Возможно, что это был Альметьевск.

таком месте.) Бутылку - вдребезги, сам грохнулся, да на стекло напоролся.

В общем, очухался только на другой день в больнице. Первым делом требует:

- Васю Кириллова подайте!

Прибежал Вася в клинику. Видит: на кровати друг стонет, у кровати другова жена глазами пол умывает. Дружок-то и говорят:

- Вася, милый, вот тебе ключи, сбегай в гараж, «Жигули» мои проведай!
А сам глазами дико вращает, да на жену косится.

- Ну, - думает Вася, - не иначе у него белая горячка началась!

Но денька через три всё же пошёл в гараж: воля друга - святое дело. Замок снял, дверь отворил - и в плечо ему врезалась остро отточенная лопата.

Только через год, когда врач разрешение дал, Васе в милиции правду сказали.

Хмырь тот, дружок бывший, тогда с любовницей прокатиться решил. А про выпивку только в гараже вспомнил, ну и в магазин побежал. Деваху свою в гараже оставил, а гараж по привычке-то запер. Только в больнице про деваху и вспомнил, да жена была рядом (машина-то на неё была записана.) Люди окрест гаража три дня волчий вой слушали. Старухи шептались - антихрист пришёл.

А когда Вася-то лязгать железками начал, деваха и подумала, что соблазнитель явился, ну и решила отомстить.

В суде её оправдали, но потом всё равно арестовали - она по ночам по привычке к гаражу выть приходила.

Хмырь тот с женой развёлся, «Жигули» она забрала. Только «Жигули» того... Ей неделю машину в лесу пришлось проветривать. Там её ассенизаторы и стибрили.

А Вася после того случая машин даже стал шарахаться. Вот врачи ему и посоветовали в деревню поехать, на парное молоко. Только вот сейчас начальство требует механизацию ускорять на селе-то. Так что Вася теперь тайком на курсы лесоводов-таёжников бегаёт».

* * *

К концу этого печального повествования грузовик въехал в какой-то

пыльный посёлок, в центре которого высилось грязное кирпичное здание, откуда то и дело доносились алюминиевый лязг и чья-то громкая отрывка. Вывеска на здании кратко сообщала: «БЛИН Я.»

Дверь отворилась. На улицу, зачем-то держась за живот, вышел химик Матвеев.

- Мы проводим здесь межнаучную республиканскую олимпиаду школьников, - сообщил он Феде, строя невероятные гримасы, - вот я и решил...

В дверном проёме показалась массивная фигура буфетчицы. Загадочно улыбаясь на одну сторону, она пошла на корчившегося у грузовика олимпийца. Матвеев, выхватив из-за пазухи горячий блин, пустился наутек. На ходу он откусывал от своей добычи большие куски и, давясь, глотал, дуя на пальцы. Буфетчица, зло сплюнув в шоссейную пыль, заковыляла обратно. Федя с водителем последовали за ней.

Это была обычная придорожная столовая, «рыгаловка», как любовно называют её в народе. В окутавшем обеденный зал мутном чаду Фёдор с удивлением разглядел примостившихся в углу своих товарищей по несчастью: Гатауллина и Григорьева. У их ног расположился какой-то кот, очевидно Спектор.

После непродолжительных объятий ссыльные сообщили Феде, что два дня назад приезжала какая-то комиссия и, ввиду отсутствия Чумакова на объекте, исключила его из университета. Та же комиссия признала Пекуровского недееспособным и увезла Виктора в неизвестном направлении.

Слезы брызнули из Фединых глаз. Он, вероятно, упал бы в обморок, но Спектор быстро сбегал за валерьянкой.

- А вы что здесь делаете? - спросил, немного отдышавшись, наш герой.

- Понимаешь, - Григорьев начал загибать пальцы, - сейчас будет передача о КГУ - раз, к тому же сюда на олимпиаду должна приехать сестра Анвара. Мы её встречаем.

Гатауллин, сияя, поглаживал стоящую перед ним бутылку «Агдама.» Даже суровые испытания не стерли с лица Черного Принца глу..., простите, глубокомысленную улыбку.

У Феде было ещё много вопросов, но тут началась передача. Сначала показали университетский дворик. У здания с надписью «Анатомический театр» стояли Винокуров в Староверов. Они держали большой плакат «Добро

пожаловать!» Толпа дружинников, во главе с Турцевым, тащила в вышеуказанное заведение упирающихся Чубакова и Таюрского. Даже через кинескоп от них разило пивом.

Затем почему-то показали больницу. В центре кадра, обняв за шею Столова и Овчинникова, сидел Пекуровский и давал интервью на каком-то не известном Феде языке (очевидно, на татарском.)

Потом на экране возник актёрский зал. На сцене Лена Башкова играла на скрипке. Внезапно к ней сзади подкрался Магасумов и, вырвав инструмент, начал глотать струны, как макароны, смачно чавкая. В это время на трибуне появился Поминов и начал читать приказ об отчислении Чумакова. Иван Сергеевич тоже не избежал внимания Магасумова. Отобрав у декана физфака бумагу, он вытер ею губы и, подмигнув телезрителям, строго спросил у Чумакова:

- Ну-с, теперь куда?

Всё оборвалось в Фединой душе. Ему не помогали уже ни валерьянка, ни нашатырный, ни обычный спирт. Последнее, что видел наш герой - силуэт впорхнувшей в столовую сестры Принца.

- Что случилось? - спросила Гуля, склонившись над безжизненным телом.

ЭПИЛОГ

- Что случилось? - пыталась выяснить Гуля, упорно обливая нашатырём постепенно приходящего в себя Чумакова.

- Ничего, - в подъезде появилась мрачная фигура Магасумова, - просто он морально раздавлен. Он пойдет в КАИ.

- Вы... - раздался слабый голос нашего героя, - Вы слишком... самонадеянны.

Магасумов, выругавшись под нос, прошел наверх. Федя, глядя вслед ему, прослезился.

- Может тебя проводить? - испуганно спросила Гуля.

- Не надо... - запротестовал Федя, - я сам... я само... - он невесело рассмеялся.

Пошатываясь, держась за стену, Чумаков заковылял прочь.

Итак, как вы уже поняли, все, что случилось с Федей в университете - галлюцинация. И «банда четырех», и судебный процесс, и кот-Спектор - да и чего не померещится, когда тебя трахнут Щедровицким по голове! Да и разве может подобное случиться на самом деле!

Вы считаете, что может? Простите, вы слишком... впрочем, нам уже надоело это слово.

Тоцкое - Казань, 1983 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ к «Самонадеянному Феде»

АНКЕТА

для абитуриентов Малого физфака

	Вопрос	Вероятный ответ	Баллы
1	Ваш пол	Мужской	10
		Женский	10
		Не понял вопроса	12
2	От кого вы узнали о Малом физфаке?	От учительницы	5
		Из газет	10
		Иные источники	15
3	Выбрали ли вы будущую специальность, если да, то какую?	Физик	20
		Математик	15
		Химик	15
		Акушер-гинеколог	14
		Прочие	5
4	Ваша любимая книга по физике?	«Теория поля»	5
		«Занимательная физика»	4
		Нет любимой	5
5	Место работы родителей	Министерство легкой и пищевой промышленности	30
		Торговля	10
		Физфак КГУ	9
		Прочие	5
6	Ваш любимый цвет		Все по 12 баллов
7	Кошка - хищное или домашнее животное?	Не то и не другое	14
		Хищное	5
		Домашнее	5
		И то и другое	12
8	Нравятся ли вам мужчины,	Да	5

	способные решать много, не тупея?	Нет	5
		Не знаю	12
9	Кто автор «Му-му»?	Пушкин	5
		Тургенев	1
		Все другие писатели	12
10	Считаете ли вы себя идиотом?	Да	5
		Нет	5
		Не знаю	12
11	Муж в семье представляет главную физическую силу?	Да	5
		Нет	5
		Не состою в браке	12
12	Средний балл аттестата		(Какой есть)
13	Ваш цвет волос	Блондинка	9
		Брюнетка	9
		Рыжий	12